



2 . 0 . 8 . 4



18+

АЙНУР
СИБГАТУЛЛИН

Айнур Сибгатуллин

2.0.8.4

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сибгатуллин А.

2.0.8.4 / А. Сибгатуллин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ковбои против джиннов на Диком Западе. Робоярист в хиджабе на улицах Парижа и Москвы. Киберджихад в жанре восточного фэнтези и ювенальная юстиция будущего. Сражения с религиозными фанатиками в альтернативном Крыму и Лунном халифате. Что объединяет все эти тексты? Исламский контекст? Ориентализм? Принадлежность к жанру фантастики? Нет, только любовь как вечное и божественное начало всего.

Содержание

С натуры	5
Я иду дорогой скорбной	10
Отец Ибрагим	31
Аттилио	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

С натуры

Антон не любил ходить проводником в каховский сектор. Начать с того, что клиенты гибли от мин и растяжек через раз. Едва только перейдя рыжеватые заросли колючей проволоки на границе. А если Антон все-таки умудрялся провести группу до пункта назначения, то часто оказывалось так, что их никто уже не ждал. Кроме разве что банды южан, отмечающих удачный штурм очередной многоэтажки, из окон которой горящими факелами вылетали последние жильцы.

И все же некоторые клиенты хотели проникнуть именно в каховский сектор. Туда, где неприметно кипела торговля наркотиками, оружием и детьми. Вот и сейчас Антон привел с собой группу торговцев, обвешенных клетчатými тюками и подсумками. Они всегда походили друг на друга – измученные испытые лица, хитрые азиатские глазки и густые бороды. Антон сначала не соглашался вести их, но ему предложили щедрую плату – три рожка патронов и четыре гранаты.

На этот раз все прошло удачно: Антон довел торгашей до убежища.

Было уже слишком темно для того, чтобы возвращаться обратно за кольцевой периметр и Антон решил заночевать в одной из ближайших многоэтажек. Взяв автомат на изготовку, Антон осторожно вошел в подъезд, почерневший от копоти.

В загаженных и выжженных квартирах уже почти ничего не напоминало о прежней жизни до катастрофы. Антон переступал через давно истлевшие останки жильцов, стараясь не думать о том, какую мучительную смерть они приняли.

Поднявшись на третий этаж, он увидел в глубине одной из квартир еле уловимый отблеск света. Антон остановился и тихо снял автомат с предохранителя. Затем подкравшись поближе и досчитав про себя до трех, он перекатился по полу и вскинул автомат в сторону угла, откуда шел свет. Он увидел темноволосую девушку, сидящую у маленького костерка и отчаянно выставившую перед собой кухонный нож. Антон поставил автомат на предохранитель и закинул его за плечо.

Незнакомка дрожащими руками продолжала сжимать нож и, не отрывая глаз, смотрела на Антона.

– Да уберите же нож. Не трону я вас.

Антон прошел вглубь комнаты, сел на корточки у противоположной от девушки стены и закурил.

– Меня Антон зовут.

Девушка медленно опустила нож. Потом заговорила.

– А я Таня. Вы из коломенского батальона? У вас их нашивки...

Антон хмыкнул.

– Нет, я сам по себе. Тот батальон погиб в туннелях станции отбиваясь от... Никто так и не знает от чего или кого. Два года как. А форму мне дали за то, что провел одного человека в ваш сектор.

Девушка поправила рукой волосы и отложила нож в сторону.

– Так вы проводник? Про вас столько... разного рассказывают. А раньше кем были? Я вот работала воспитателем в садике, недалеко от Арбата. Бывали, наверное, там?

Он быстро кивнул.

– Было дело. А мы в некотором роде коллеги – я ведь учителем рисования работал в школе. А так до этого на вольных хлебах художником. Иногда на Арбате кантовался.

Таня всплеснула руками.

– Надо же, а я ведь часто любила гулять там после работы. Хотите чаю? У меня есть пара пакетиков, как специально для такого случая. Садитесь, я мигом.

Таня развела костер из кусков паркета под куском арматуры, торчащей из стены, на которую она повесила чайник.

Антон прислонил автомат к стене и спросил:

– Ну и давно вы здесь прячетесь?

Девушка вздохнула.

– Давно...

Они оба замолчали. Наконец, чайник вскипел, и Таня разлила пахучий зеленый чай по консервным банкам.

– Ну, за встречу, Антон!

– За встречу, Таня!

Они чокнулись банками.

Антон огляделся по сторонам. В комнате не было ничего ценного, только кучи мусора и обгоревшие стены. Да на стене висел старый календарь с рекламой женских духов. Таня перехватила его взгляд и пояснила:

– У нас здесь была большая библиотека, папина. Мы с мамой еще в первую зиму ее сожгли, вместе со всей мебелью, чтобы согреться. Книги так быстро сгорают, их лишь на растопку пускать. Паркет гораздо дольше горит. Хотя у соседей в квартире от ламината такой дым шел вонючий, ужас!

Девушка внимательно посмотрела на него.

– Вы наверное, голодный? А у меня есть чуть-чуть голубиноного мяса! Будете?

Антон покачал головой.

– Я пойду, пройдуся что-ли. Может найду, что на ужин. Я скоро.

Спустившись на улицу и нацепив очки ночного видения, он пошел в сторону разбитой котельной, где маячило несколько собак. Подойдя поближе и выбрав из них наиболее здоровую на вид, Антон выстрелил ей в голову из пистолета. Стая кинулась было рвать на куски тело агонизирующей псины, но, услышав звук передергиваемого затвора, отбежала недовольно поодаль. Взвалив на шею тушку, Антон двинулся обратно в сторону дома, чувствуя затылком, как за ним крадутся, злобно урча, бродячие псы.

Возле входа в подъезд Антон развернулся и выстрелил в одну из собак. Собака жалобно завывала и быстро замолкла, разрываемая на части стаей. Антон воспользовался этим и скрылся в доме.

Войдя в квартиру, он заметил, как девушка сглотнула слюну, увидев убитую собаку.

– Ой, как здорово! Сейчас будет ужин! Вы знаете, как я умею готовить шикарно жаркое? Пальчики оближите!

Антон бросил собаку на пол и девушка стала быстро разделывать тушку, продолжая весело болтать.

– Антон, а вы за границей бывали? Я только в Турцию пару раз съездить успела. Там такое море классное...

Антон достал сигарету, помял ее в руках и задумался. Он никогда не был в Турции. Оказавшись первый раз за границей в Италии он с тех пор ей никогда не изменял. Рим, Флоренция, Неаполь, Венеция. Он рисовал их узкие кривые улочки, старинные башни, фонтаны и каналы бесчисленное количество раз. И конечно же Сиена: башни собора и городская площадь. А еще Пиза. На туристических картинках обычно показывают одну падающую башню, но Антон знал, что самое красивое вовсе не башня и даже не соседний собор, нет. Он приезжал туда, чтобы часами переносить на холст величественное сочетание зеленого травяного ковра и белого мрамора.

Таня бросила собачье мясо в слегка проржавевшее ведро с водой и развела огонь на полу.

– А что вы рисовали, Антон? Натюрморты? Пейзажи там всякие я не знаю или портреты?

– И пейзажи и портреты. Пару выставок даже провел в Манеже.

– Ух ты. Я тоже раньше на выставки ходила. Но в кино конечно чаще бегала. Обожаю «Унесенные ветром», их иногда в Иллюзионе крутили. А еще «Красотку». Вы, наверное, не рисуете сейчас?

Антон горько усмехнулся и посмотрел на свои огрубевшие пальцы. Он вспомнил как писал в Римини морской пейзаж. Антон стоял босиком на песке, зажав зубами кисть, быстро набрасывая на мольберте лазоревой краской крадущиеся к берегу гребни волн. Солнце начало садиться, вокруг бегали загорелые дети, а вдалеке на горизонте медленно проплывал огромный океанский лайнер. На пляже еще было полно людей, лениво подставлявших свои тела лучам заходящего светила. Рядом с ним стоял мальчик, с интересом следящий за его работой. Антон потрепал мальчика по голове и улыбнулся его маме, итальянке в серебристом парео...

– Ой, а я не спросила, может вы сырое мясо больше любите?

– Мне без разницы, Таня. Но раз уже огонь есть, давайте прожарим.

Наконец Таня закончила готовку, и они с Антоном сели ужинать. За окном издали раздавались одиночные выстрелы.

Антон сосредоточенно пережевывал мясо и изредка поглядывал на робко жующую Таню. Девушка напомнила ему «Даму с горностаем» Леонардо. Такие же тонкие руки. Или нет, скорее Жиневру ди Бенчи.

Закончив есть, Антон взял девушку за руку и потянул к себе. Таня, опустив глаза, обвила руками его шею. Потом расстегнула на нем куртку и стала покрывать поцелуями грудь...

Когда они остановились и, шумно дыша, лежали, обняв друг друга, Таня спросила:

– У тебя есть кто-нибудь?

Антон усмехнулся.

– Никого.

Девушка опустила глаза и тихо ответила:

– А у меня есть один... он приходит раз в неделю и... когда закончит, дает мне мясо. Если бы не он, я бы давно умерла. Как и все. Он вообще-то добрый, хоть и по-русски почти не понимает. Саидом его звать, завтра прийти должен...

Таня накинула куртку Антона и бесшумно выскользнула из комнаты. Антон закурил и задумчиво пускал кольца табачного дыма в потолок. Разговор с девушкой напомнил ему о прошлом. Его картины: пейзажи, натюрморты, портреты – все они, скорее всего, давно истлели, сгнили или сгорели в огне войны. Ему казалось, что он напрочь забыл обо всем этом, но разговор с девушкой пробудил в нем воспоминания и закрывая глаза он снова и снова видел холсты, краски и кисти.

Войдя, Таня легла рядом и положила ему голову на грудь. Потом, помолчав немного, сказала:

– Я хочу уйти отсюда, слышишь?

Антон приподнялся на локте и посмотрел на девушку сверху вниз.

– Через час я выхожу из сектора. Я могу взять тебя с собой, но это опасно.

В глазах у Тани блеснули слезы.

– Мне все равно.

Таня тихо всхлипнула. Антон слегка приобнял ее.

– Хорошо, мы уйдем вместе. Давай собирайся.

Девушка стремглав натянула одежду, побросала в мешок несколько тряпок, и через десять минут стояла у порога, ожидая глядя на Антона.

На улице уже начинало светать и Антон с девушкой быстрым шагом пошли в сторону ясеновского сектора.

До границы оставалось всего лишь несколько сотен метров, когда Антон увидел, как навстречу им идет торговец, катящий громохочущую тележку. Увидев Антона с Таней, торговец закричал:

– Товары для дома и семьи, недорого, не проходите мимо! Все, что угодно и за любые деньги! Пожизненная гарантия!

Антон тихо спросил Таню, снимая с плеча автомат:

– Может тебе нужно что-то купить? На дорогу, там, или вообще... А у этого, судя по всему, много всякого барахла.

Таня неопределенно пожала плечами.

Антон взял на изготовку автомат и подошел к торговцу.

– Чем торгуешь?

Торговец поставил тележку и нагло поглядел на них.

– А что, есть на что покупать, боец?

Антон нахмурился.

– Есть патроны, разрывные и обыкновенные. Гранаты. Пойдет?

Торговец хмыкнул:

– На что мне твои патроны, я тебе их сам продам пару тонн.

Антон буркнул:

– Ладно, хорош болтать, показывай товар.

Торговец шустро вывалил содержимое тележки на землю и свистнул куда-то в сторону. Антон оглянулся – в окна соседнего подъезда он увидел двоих вооруженных южан, радостно оскалившихся, когда он встретился с ними глазами.

– А это мои добрые южные друзья, которые иногда помогают мне перейти через дорогу... Но, у меня все по честному, без обмана. В этом секторе меня каждый знает, я давно здесь торгую.

Антон снова повернулся к рассыпанной куче хлама и стал ворошить ее стволом автомата. Таня спряталась за его спину и старалась не смотреть в сторону продавца.

Вдруг посреди кучи Антон увидел новенький деревянный складной этюдник с набором кистей и множеством блестящих тюбиков масляных красок.

Антон нагнулся и взял коробку в руки. Открыв изящную крышку из бука, он увидел на внутренней стороне крышки надпись на итальянском – *Colori per artisti*. Поднеся этюдник к лицу, Антон вдохнул запах и слегка закрыл глаза. Да, это было именно то, что надо – палитра, кисти, рисовальный уголь, мастихин, масленка, флаконы с эссенцией терпентина и льняного масла и, самое главное, пятнадцать пахнущих тюбиков масляной краски. Земля бурая Флоренции, земля желтая Веронская, земля Сиенны жженная – переводил он про себя с итальянского надписи на тубах.

– Сколько? – как можно безразличнее постарался спросить Антон.

Торговец хитро прищурился.

– Гмм... да такая вещь сейчас, наверное, одна на всю Москву есть. Что только за нее не предлагали. Рисуй не хочу, хоть натюрморт, хоть лесные дали, хоть бабу голую.

– Слышь, мужик, давай конкретнее, называй цену, а там посмотрим.

Торговец зло сплюнул и усмехнулся.

– Цена говоришь? Цена есть. Очень конкретная цена. Доступная цена для рядового покупателя. Все это будет твое, если ты отдашь мне ее.

И он ткнул грязным забинтованным пальцем в грудь Тани.

Таня отшатнулась и прижалась к Антону.

Антон ничего не отвечал, нервно двигая желваками. Он достал из коробки ретушную кисть и провел по ее пушистому кончику большим пальцем. Барсучий волос, отметил про себя

Антон. Он посмотрел в широко раскрытые глаза Тани, затем мягко отлепил ее от себя и слегка подтолкнул в сторону торговца.

– Я согласен.

Торговец тут же свистнул и к нему подбежали двое южан. Таня потрясенная смотрела на Антона, но тот уже аккуратно складывал этюдник с красками и кистями.

Торговец ехидно наблюдал за ним.

– Антон, нет, ... пожалуйста, не надо, – одним губами шептала девушка, с которой начали срывать одежду южане, довольно похлопывая ее по телу.

Антон ничего не отвечал и открывал металлические тюбики, проверяя краски. Он как-будто не обращал внимание на радостные вопли южан, волокущих по земле девушку за волосы.

Антону было не до нее. Он держал в руках открытый тюбик краски и кисть. А в вещмешке у него лежало несколько чистых холстов, которые он уже хотел истратить на перевязочный материал.

Наконец Антон оглянулся по сторонам. Вокруг были одни развалины, но по дороге в сумерках он успел заметить остатки леса, где можно было рисовать великолепный пейзаж с соснами.

Торговец все еще не ушел и продолжал собирать рассыпанный товар. Антон поправил автомат и бросил небрежно:

– Послушай, а у тебя нет карандашей и бумаги?

Торговец выпрямился и задумался.

– Могу посмотреть на складе. Но это будет дорого стоить, солдат.

Антон посмотрел ему прямо в глаза.

– Это не важно. Не уходи далеко.

Я иду дорогой скорбной

Ялтинские минареты видны издалека. Что с моря, что со стороны гор – куда ни ткнишь – всюду белеют десятки башен-ракет. Многие считают их символом города, а по мне они просто копируют турецкие. Безликие новоделы на строительстве которых кое-кто здорово нажился. Только не говорите мне, что я завидую. Просто я точно знаю, как можно украсить Ялту. И если б я был городским архитектором, то построил лишь одну мечеть. Восемь куполов цвета небесной лазури. Журчащие фонтаны у входа и прохладные мраморные полы с тончайшими орнаментами. Своды колонн, испещренных изящной вязью. И лучи света, проникающие сквозь витражи на моленные коврики.

Звонок мобильного телефона прервал мои мечты. Незнакомый номер.

– Камиля позови, – буркнул мужской голос в трубке.

– Это я. Чем могу служить?

– Слушай сюда. Я ищу архитектора. Тебя хвалили уважаемые люди. Хочу, чтоб мой новый дом был не хуже чем у Мустафы-бея.

– Простите, а с кем я разговариваю?

– Э, ты что не узнал меня по голосу? – в трубке раздалось цоканье, – я Фархад Ширинский.

Я привстал. Фархад. По слухам его банда контролировала добрую половину городских рынков и подпольных кабаков.

– Слушай сюда. Сейчас к тебе приедут мои ребята. Бери что там тебе нужно и пулей ко мне. Я свой дом показывать буду. Скажу, что надо сделать. Ты все понял?

– Да, Фархад-эфенди. Я..

В трубке раздалась гудки. Вытираю рукой лоб. О Аллах, сам Фархад хочет сделать у меня заказ. Последние месяцы дела мои шли неважно. Те, кому нужны были услуги архитектора, предпочитали экономить. Им проще скачать эскизы и дать турецким гастерам в работу. А я не шел на уступки – не люблю торговаться. И цены у меня недешевые. А тут такой клиент да еще сам на меня вышел.

Я видел дом Мустафы-бея. Чумовая пародия на Тадж-Махал, дворец в Алушке и Капель Сант-Анджело. Как мой бывший однокурсник Арслан мог согласиться на такую чудовищную халтуру – один Аллах знает. Причем этот кошмар теперь выдают туристам за последнее веяние исламского зодчества.

Едва я успел собраться, как в дверь мастерской громко постучали. Я открыл дверь и увидел прямо перед собой двух бугаев в кожаных тюбетейках.

– Ты что-ли, архитектор?

– Да, я...

– Поехали, давай. Хозяин ждет.

Меня подхватили под руки и потащили к машине.

– Эй, а нельзя ли полегче? – попробовал было возмутиться я и тут же получил удар по ребрам. Меня втокнули в микроавтобус, и я растянулся на полу.

– Тебе ж сказали, хозяин ждет, – прошипел один из бугаев и кинул мне мешок, – надень на голову. Мобильник где? Давай сюда.

Морщась от боли, протягиваю телефон.

Бугай довольно хмыкнул.

– Молодец, быстро врубаешься. Не то, что твой предшественник.

– Вы о ком? Какой предшественник?

– Такой. Скоро узнаешь, – бугай ухмыльнулся и кивнул водителю, – поехали, аркадаш.

Ехать пришлось долго. Или может мне так казалось из-за мешка на голове? Машину сильно трясло всю дорогу. Из обрывков разговоров я понял, что мы едем в сторону Кафы по разбитому горному серпантину.

Наконец автомобиль остановился. Меня подхватили под руки и потащили куда-то вверх по лестнице.

Яркий свет стробоскопов больно резанул по глазам, когда мешок сдернули с головы. Проморгавши, я увидел перед собой восседающего на тюфяках лысоватого толстяка. Он не обратил на меня никакого внимания, лениво смотря, как перед ним танцует несколько девушек. Фархад-бей покачивал головой и прищелкивал пальцами в такт музыке.

Девушки исполняли танец живота. У каждой в руках кривая сабля. Из одежды – полупрозрачные куски ткани, расшитые золотыми монетами, едва прикрывавшие их соблазнительные округлости.

Мы стояли на уличной террасе, откуда открывался вид на ночное море.

Одна из танцовщиц привлекла мое внимание. Она плавно кружилась в танце, положив саблю на грудь.

Остановившись, девушка взяла клинок в руки и подбежала к Фархаду. Окружавшие хозяина дома бандиты выхватили пистолеты, но Фархад знаком остановил их. Танцовщица поставила свою ногу на его лоснящийся голый живот и поднесла саблю к горлу Фархада. Затем подбросила ее в воздух, схватила за кончик и метнула в пальму, стоящую в кадке у стены. Сабля вонзилась в ствол, а девушка растянулась у ног хозяина, склонив голову.

Фархад радостно хрюкнул и взял девушку за подбородок.

– Эй, Зульфия, ты так больше не шути, да? А то мои аскеры тебе чик-чик сделают.

Фархад оттолкнул ногой девушку и захохотал. Танцовщица поднялась с пола. Перед тем как уйти она бросила дерзкий взгляд на меня.

К уху Фархада наклонился один из бугаев. Фархад повернулся ко мне и приглашающе кивнул. Охранник слегка подтолкнул меня и я подошел поближе к хозяину.

– Сюда садись. Ешь, пей, – Фархад махнул рукой и передо мной тут же поставили тарелку с пловом и бокал вина.

Я изрядно проголодался в пути. Плов таял во рту, а вино сразу разлилось по телу жгучим теплом.

– В общем, короче. Ко мне через месяц приедут уважаемые люди из Туркестана. И мне надо чтоб к их приезду мой дом стал похож на дворец Топкапы в Стамбуле.

Я поперхнулся пловом и закашлялся. Топкапы за месяц? Да он что сумасшедший совсем.

– Простите, Фархад-бей, но...

– Слушай сюда. Твой предшественник работал здесь полгода и почти закончил. Тебе осталось завершить начатое. За деньгами дело не станет. Все чертежи и эскизы тебе покажет мой помощник Селим. Что будет нужно купить – скажешь ему. Все понял?

– Да, только я хотел узнать, а кто делал работу до меня и...

– Селим, проводи гостя в его комнату. Утром позови Зульфию – она все объяснит ему.

Поместье Фархада располагалось над высоким обрывом у моря. Я стоял у самого края пропасти и смотрел, как волны внизу налетают на камни, разлетаясь на мириады сверкающих капель. Знакомое место. Мыс бен Ладена. Он же мыс Ильи, где когда-то стоял маяк, развалины

которого торчали из под строительного мусора. Вдалеке виднелись минареты Кафы, такие же безликие как ялтинские.

Мы приезжали сюда в детстве с мамой и она рассказывала мне историю о том, как часто корабли разбивались о скалы в этих водах. И одна женщина на свои деньги построила маяк, в честь избавления своего сына от недуга.

Солнце уже встало и потихоньку начинало выглядывать сквозь облака. Слышу шум приближающихся сзади шагов и оборачиваясь. Ко мне подошли Селим и вчерашняя танцовщица.

Селим всучил мне в руки портфель.

– Держи, ар-хи-тек-тор, – Селим кивнул в сторону девушки, – вопросы ей задашь, если что не понял, да?

Я посмотрел на портфель и мне показалось, что я где-то его видел и не один раз. Правда, тогда он был гораздо чище, без этих коричневатых подтеков.

В кармане у Селима запищала рация. Он быстро отошел в сторону, прикрыв рот рукой.

Открыв портфель, я увидел эскизы поместья с заметками на полях и сразу узнал почерк. Ну конечно это был Арслан Семенцкий, кто бы сомневался. Только куда он делся?

– Меня зовут Зульфия, – услышал я низкий грудной голос и поднял взгляд. Девушка взяла из моих рук один из чертежей и стала внимательно изучать его.

– Да, я в курсе. А вы что разбираетесь в архитектуре? Или все-таки больше в танцах? – решил почему-то съязвить я.

Девушка усмехнулась и оглянулась на Селима, стоявшего чуть поодаль.

– Я училась в строительном колледже в Симф..., то есть в Акъмесджите. Увлекалась восточными танцами. В студию ходила, в конкурсах участвовала. Даже побеждала пару раз. Вот там меня и заметили. Предложили танцевать в стриптиз-клубах. Ну а деньги были очень нужны, чтобы дальше в институт поступать.

– А как вы... как ты оказалась у Фархада в гареме?

– Как обычно оказываются. Хозяин ночного клуба, где я танцевала, проиграл меня Фархаду в нарды.

– Ну и как тебе тут?

– Нормально. Днем отсыпаюсь, вечером танцую, а ночью...

Я отвернулся и стал внимательно листать чертежи.

– Ночью я тоже сплю. Фархад уже слишком стар, чтобы что-то смочь. Да и вообще его женщины особо не интересуют. Ну, если только очередную партию аульных дурочек заслат в секс-джихад в Сирию. Зато его очень интересует строительство дворца. А когда я подсказала пару идей по дизайну, то Фархад приказал, чтобы я докладывала ему о ходе стройки.

Зульфия вернула чертеж и ненароком коснулась меня бедром. Складываю бумаги в портфель. Селим закончил говорить по рации и подошел к нам.

– Хозяин звонил. Велел, чтоб сегодня уже начали, – Селим пристально посмотрел на Зульфию, но ничего не сказал.

Мы быстрым шагом вернулись в поместье. По дороге тихо спрашиваю у девушки:

– А где Арслан? Выгнали что-ли?

– Убили его.

Я уронил портфель из рук. Из него посыпались бумаги и мы оба стали их собирать.

– За что? – только и смог спросить я.

– Деньги стал красть. Попался на ерунде. Притащил кучу старого хлама и решил выдать его за антиквариат. Ну, а у Фархада ведь есть свои спецы-антиквары. Арслан быстро раскололся.

– Что вы там шепчетесь, а? – Селим ударил меня носком ботинка по щиколотке. Я упал, скривившись от боли. Зульфия поднялась и топнула ногой.

– Ты что совсем сдурел? Я ему про Арслана рассказала, чтобы быстрее работал, а ты его хочешь инвалидом сделать? Знаешь сколько пальцев на обеих руках Фархад-бей тебе за такие дела отрежет?

Селим побледнел.

– Брат, прости, да? – он протянул мне руку и помог подняться, – только хозяину не говори, да?

Я только мотнул головой и продолжил путь. Зульфия шла рядом.

– Тебе главное успеть все быстро доделать, что Арслан начал. Осталось то всего ничего. Менять ничего в эскизах не надо, а то не успеешь и тебя...

– Хорошо, я постараюсь. Только мне надо осмотреть объект.

На мысе, где когда-то стоял знаменитый маяк, мой предшественник решил построить угловатую башенку наподобие Ласточкиного гнезда. Я стоял у ее подножия и наблюдал за работой каменщиков. Строители клали кирпич под присмотром бандитов Фархада, щедро лупцующих нагайками по спинам людей. Вряд ли это были турецкие гастарбайтеры.

– Эх, архитектор, не хочешь курнуть, а? – Селим протянул мне сигаретку с гашишем, – тебе не помешает расслабиться, брат.

Я чертыхнулся про себя и углубился в чертежи. Семецкий был конечно тот еще раздолбай, но иногда его озаряли неплохие идеи. Мне понравился проект и я решил ничего не менять с внешней стороны. А вот внутри башенки стоит кое-что поправить.

– Мне нужен мощный компьютер с программой для отрисовки проектов. Чертежная доска. Много листов бумаги, – я посмотрел на Селима и добавил, – и вели охране, чтобы перестали бить рабочих. Иначе я скажу хозяину, что в срок не успеем.

– Все сделаем, брат. А вот насчет рабочих – это ты сам с хозяином говори.

– Хорошо, поговорю. Откуда они?

Селим пожал плечами и хотел что-то ответить, но тут у него снова запищала рация. Присев на корточки, Селим, отчаянно жестикулируя, стал что-то объяснять.

Я подошел к строителям и спросил, кто у них за старшего.

– А вон там, видишь, седой такой замеря делает, – махнул рукой в сторону пристройки молодой парень в тельняшке, – мы его Дедом кличем.

– А имя то у него все-таки какое?

Парень распрямил спину и зло посмотрел на меня.

– Имена это у вас, эфенди, а у нас только клички, как и положено животным, – он воткнул лопату в землю, – еще есть вопросы?

Я что-то невнятно пробормотал и зашагал в сторону «деда», который оказался высоким стариком лет под шестьдесят с длинной седой косичкой. Он старательно вымерял стены отвесом. Негромко кашлянув, я спросил:

– Простите, мне сказали, что вы здесь старший.

Старик повернулся ко мне. Его холодные синие глаза впились в мое лицо.

– Ну, допустим, что и так, молодой человек. Чем обязан?

– Меня нанял Фархад-бей. Я новый архитектор. Простите, как ваше имя?

– Дед мое имя. Этого будет вполне достаточно. Так чем я обязан?

– Я хотел сказать, что договорюсь с Фархад-беем, чтобы ваших строителей перестали избивать.

– Вот как? – старик прислонил отвес к стене, – чем же мы заслужили эту милость, господин? Неужели нас решили поощрить? Или может сюда мчатся на белых верблюдах наблю-

датели из Совета Европы по защите прав сексуальных меньшинств? Хотя это вряд ли – педерастия среди наших, как вы изволили благородно выразиться, строителей не практикуется.

– Послушайте, – я уже начал жалеть, что затеял разговор, – я вас сюда не отправлял. Меня только наняли в качестве архитектора.

– Откуда вы, молодой человек?

– Я местный. С Ялты.

– Местный, – усмехнулся старик, – где же все вы были, господа местные, когда нам сюда путевку выписали?

Я опустил взгляд вниз. Когда исламисты пришли к власти и перекрыли границы, то тысячи людей – и славян и татар согнали в лагеря в засушливых крымских степях. Как и многие другие, я старательно делал вид, что не замечаю исчезновения соседей и знакомых. Иногда мне казалось, что они просто уехали куда-то отдыхать и осенью обязательно вернуться.

– Никто не знал тогда, что так все выйдет. Сами помните, что только после того как шариатские гвардейцы смогли отбить вторжение свидомых на полуострове стало более-менее спокойно. Мы ведь все вместе радовались, когда вора-чинушам отрубили руки на площадях.

– Руки, значит, говорите. Я родился в Коктебеле. Там жил поэт...

– Я знаю о ком вы, – торопливо начал я, – и мне очень нравились его стихи:

...Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...

По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре...

Старик наморщил лоб и, закрыв глаза, произнес.

...И не смолкает грохот битв

По всем просторам южной степи

Средь золотых великолепий

Конями вытоптанных жнитв...

Старик взял в руки отвес и долго смотрел на него.

– Воронцов Арсений Павлович. Это мое имя. Благодарю, что хлопчете за нас, но право, не стоит. Зульфие поклон от нас за еду, что вчера передала. Я ведь с ее матерью... – старик замолчал, – впрочем, неважно. А теперь идите. И да хранит вас Господь.

Зульфия стояла у развалин маяка и смотрела на море, прикрыв ладонью глаза от солнца. Я встал рядом с ней.

– Меня кстати, Камиль зовут.

Девушка обернулась ко мне и улыбнулась. Я продолжил.

– Тебе поклон просили передать. Ну, ты знаешь за что.

– Дядя Арсений?

– Он самый. Ты его откуда знаешь?

– Мы с ним оба родом с одного поселка. Он часто к сестре своей больной приезжал. И с матерью моей знаком с детства. И я у него на коленях часто сидела, когда совсем малой была, – Зульфия вздохнула.

– Поможешь мне отрисовать интерьеры внутри?

– Ну, я постараюсь, – Зульфия поправила волосы, – правда я не особо шарю в этих новых программах.

– Да это легко. Главное, чтобы ты смогла выдержать единый стиль.

К нам подбежал запыхавшийся Селим.

– Эй, архитектор, айда в дом, хозяин обедать зовет. Гость к нему приехал важный. Хочет, чтоб ты компанию составил – Селим недобро посмотрел на Зульфию, – а ты иди на женскую половину, нечего тебе тут шастать.

– А, проходи, садись, дорогой, – Фархад решил изобразить сегодня гостеприимного хозяина. Кроме него за столом сидел полноватый офицер в натовской форме.

– Полковник Уандералес, – представился он и широко улыбнулся, – я приехать в гости к Фархад-бей и узнать, что ты есть новый архитектор. Как тебя зовут?

– Камиль, – я присел за стол и знаком указал слуге налить бокал вина. Если уж участвовать в этом спектакле, что ж я сыграю свою роль подобающим образом, – вы хорошо говорите на крымско-татарском.

– О, – гость довольно заулыбался еще шире, – я изучал ваш язык в Каламбия юниверсити. Точно говоря, я знаю по чуть-чуть все турецкие языки. Мой образование политология.

– А как же вы стали военным?

– О, если короче сказать, то когда ваш рипаблик просить поддержку у западный мир фo борьба против...эээ... киевский и московский хунта, то мы прийти на помощь. И я переводил при подписании акта о независимости речь ваш лидер в этом, эээ...не, не Севастополь, а эээ...

– Ахтияр, – услужливо подсказал Фархад.

– О, да. Йес, Ахтияр. Прекрасный город, наши моряки очень довольны. Столько красивый юнош энд чилдрен. И так, эээ...

– Давайте выпьем за Крым! – подымаю бокал и, не дожидаясь других, выпиваю до дна.

– О, йес, за Крым! – полковник чокнулся с Фархадом, – великий страна! Великая история!

– История как история. Войны, набеги, восстания. Все как у людей, – меня почему-то стал раздражать этот не перестающий лыбиться американец.

Уандералес покачал головой.

– Вы сумеет заставить дрожать от страха русский. Ваши ханы брать Москву много раз в плен. Даже Гитлер не смочь взять Москву!

– Я не историк, мистер Уандералес, – я усмехнулся, – но, по-моему крымские татары ни разу не смогли взять Москву, а только сжигали ее пригороды.

– Эй, архитектор, ты давай там, не особо, – Фархад нахмурил брови, – я сам много раз слышал как по телевизору об этом говорили. А там врать не дадут. Сам знаешь, что ждет этих. Ну, которые агенты проплаченные.

Я попросил слугу налить еще вина. Полковник широко улыбнулся и спросил.

– А ваши предок был депортирован в Туркестан или быть здесь?

– Мои предки не были депортированы. Их проверили и оставили жить здесь, как и почти всех крымских татар. Но вы ведь об этом прекрасно знаете, полковник?

– О, да, мистер Камил. Станный сталинский операций: почему-то депортировали чуть-чуть.

– У моего деда двоюродного брата выслали, – Фархад грыз баранью кость, – у немцев в легионерах служил. Как вернулся все на парады ветеранов ходил со своими. Там и прихватило сердце.

– Мистер Фархад, ваш героически предок служить на благо ваш рипаблик Крым! Без него вы так и быть колония Москва или Киев. Вы согласен, мистер Камил?

Я пригубил бокал.

– Я думать, что сегодня, когда Крым ваш защищать наши военный базы и ваши турецкий братья, – полковник улыбнулся и указал рукой в сторону моря, – когда вы входить в Европа как демократик страна, вам нечего бояться Москва. И когда у вас будет много оружия и воинов эээ... Аллах, йес, вы пойти в поход на Москва и наказать ее за столетий колониальный жизнь!

Полковник еще долго разглагольствовал на темы истории и политики. Я изредка кивал и старательно ел да пил. Лишь когда речь зашла о планах Фархада на устройство его поместья я решил вставить свои пять дирхамов.

– Мистер Фархад, ваш будущий дворец быть очень красив, – восторгался мистер Уандералес, – я вижу проект. Фантастик!

– Фархад-эфенди, – я старался говорить отчетливо, несмотря на то, что уже был немного пьян, – сегодня я видел как ваши охранники избивают рабочих. Так нельзя, они их убьют или покалечат и мне не успеть выполнить свою работу. Прикажите перестать их бить.

Фархад поставил бокал на стол и вытер губы салфеткой.

– Хорошо. Я прикажу. Но если ты не успеешь, – Фархад зло усмехнулся, – а успеть теперь ты должен не за месяц, а за три недели, я тебя сам забуду, понял?

Прошло полторы недели, а отделочные работы не были сделаны и наполовину. Охранники скрипели зубами, но рабочих не трогали. По крайней мере при мне. Поначалу работа на стройке шла своим чередом. Только вот почему-то спустя несколько дней строители вдруг все как один стали трудиться вначале вполсилы, а потом и того меньше.

На мои увещевания люди кивали, обещали закончить в срок. Однако, стоило мне отойти как они устраивали бесконечные перекуры, ругались и даже дрались между собой, одним словом делали все, только чтобы не работать.

Селим зло усмехался, видя мои страдания, и изредка продолжал предлагать мне покурить траву.

– Брат, люди такие все, да. По-хорошему никто работать не хочет, даже ишак. Нужна палка. И сила. Чтоб уметь сильно бить, – Селим пустил подряд несколько колец дыма, – зря ты хозяина просил. Теперь мне придется сказать ему, что не успеваешь. Сам знаешь, Фархад тебе накажет.

Я поежился. Мы сидели втроем, вместе с Зульфией, в мастерской и пили вино. Зульфия оказалась толковой чертежницей и неплохо разбиралась в дизайне. Вот и сейчас она, наморщив лобик, что-то ваяла на компьютере.

Селим продолжил.

– В Туркестане у Фархада очень важные партнеры. С Чуйской долины. Упаси тебя Аллах что-то закосячить. Так что думай, брат, как ты теперь выкручиваться будешь.

Зульфия подняла взгляд.

– Эй, Селим, хватит уже. Человек людям жизнь спас может, а ты..

– А ты вообще молчи, женщина, – ощерился Селим, – твое дело танцевать и это, рисовать. Поняла?

– Поняла-поняла, – хмыкнула девушка, – только и ты пойми, что про твои делишки я очень хорошо знаю и если что, ну ты понял ведь, да?

Селим ударил кулаком по столу и вышел на балкон.

– Я поговорю с дядей Арсением сегодня вечером. Так что не беспокойся, – Зульфия протянул мне бокал, – лучше налей еще вина.

Мы допили с ней всю бутылку. Уже стало смеркаться. Оглядываюсь кругом, поискав взглядом нашего вечного спутника. Его нигде не было. Девушка усмехнулась и подошла ко мне.

– Ты что скучаешь по нему? Ха-ха. Смотрю без него как без рук, да?

Я покраснел и встал с кресла, слегка покачиваясь на нетвердых ногах.

– Плевать я хотел на него. И вообще, хватит о нем.

– Ого, какие мы смелые, – Зульфия обвила мою шею руками и прижалась, горячо задышав, – иди ко мне...

Мы лежали, обнявшись на пыльном ковре, среди помятых чертежей, и курили траву, оставленную Селимом. Травка была так себе. Только голова разболелась. Хотя Зульфия, судя по тому, что ее распирает смех, все-таки «приплыла».

– Скажи, а что вы с Селимом не поделили? – спросил я, – и про какие-то делишки его ты знаешь?

Зульфия прыснула со смеху.

– Мы с ним все-е-е-е прекрасно поделили. Мы так с ним все поделили, что когда он ко мне полез помогать, то так получил ногой между ног, что неделю еле ходил. Ха-ха-ха.

Девушка встала и подошла, пошатываясь к окну. Вспотевшее голое тело озарялось отблесками прожекторов сторожевых вышек. Я смотрел на ее груди и пытался вспомнить купола какого храма они напоминают.

Красивое женское тело всегда казалось мне одной из самых совершенных архитектурных форм природы. Все эти изгибы и ложбинки, выпуклости и углубления – что может быть более безупречным?

Девушка затряслась от смеха и стала показывать пальцем в окно.

– А вот кстати и он, твой Селим. Ха-ха. И не один, а с Фархадом и его охраной. Прямо сюда идут.

Я вскочил и бросился к окну. Дверь распахнулась от удара ноги и в комнату ворвались люди. Девушка все еще смеялась, когда Фархад выхватил автомат у одного из бандитов и начал стрелять в нее. Звуки выстрелов отдавались в моей голове как удары кувалдой по водосточной трубе. Зульфия сделала несколько шагов и рухнула на пол. Ее глаза удивленно смотрели на меня, а ноги еще долго дергались в судорогах.

Фархад навел на меня автомат и несколько раз нажал на курок. Раздались сухие щелчки. Фархад брезгливо швырнул ствол в сторону и подбежал ко мне.

– Ах ты, мразь! – Фархад сбил меня с ног и стал пинать, норовя попасть в лицо, – вы думали меня опозорить на все побережье, да? Да я тебя!

– Хозяин, давай убьем этого..., только не прямо сейчас, а – Селим с размаху ударил меня ногой в челюсть, – пусть в подвале посидит, а утром мы придумаем ему такое, вай.

– Якшы, Селим. Бросьте в подвал. А завтра утром я сам скормлю его собакам. А эту залейте в бетон.

Охрана схватила меня под руки и поволокла куда-то вниз. Последнее, что я помнил был кровавый след, тянущийся за мной по пути.

Когда я очнулся уже светало. Подвал, куда меня бросили, был весь заполнен каким-то хламом. Я осторожно попробовал приподняться и застонал от боли. Медные подносы, пыльные ковры, старинные светильники – похоже об этих дешевых подделках рассказывала Зульфия. Все они были похожи на предметы интерьера в эскизах внутренней отделки, сделанных Арсланом.

Эх, Арслан-Арслан, если бы ты не пожадничал и не стал скупать всякую дрянь, то я бы сидел сейчас на ялтинской набережной и пил турецкий кофе. И Зульфия бы осталась жива. Ну, зачем тебе, например, понадобился вот этот ржавый медный кумган? Неужели ты думал, что такую подделку под старину, пусть даже и очень качественную, никто не раскроет?

Беру кувшин в руки и вытираю пыль, пытаюсь прочесть надпись по-арабски. Я уже почти отчистил надпись от грязи, когда услышал сверху тихий голос.

– Эй, юноша, вы живы?

Я приподнялся и подполз ближе к узкому зарешеченному окну. Сквозь решетку виднелось лицо Воронцова.

– Боже, что с вами сделали.

– Они убили ее, Арсений Павлович!

– Я знаю, юноша. Да успокоит Господь ее душу, а души ее убийц я отправляю в Джаханнам сам, – глаза старика недобро блеснули в полутьме, – а вам бежать надо. Идти то сможете?

– Смогу.

– Тогда слушайте. У двери стоит охранник. Нужно, чтобы он зашел в подвал.

– Но я не знаю как я...

– Молодой человек, вас завтра... Вы, что правда не сможете ударить охранника?

– Не знаю.

– Хорошо. Тогда через пару минут начните стучать в дверь, чтобы охранник отвлекся. Сможете?

– Попробую.

Старик исчез. Я вытер рукавом пот со лба и подошел к двери. О Аллах, помоги мне.

Посчитав про себя до трех, я изо всех сил стал бить ногой в дверь.

– Эй, ты, – раздался раздраженный голос охранника, – ну ка быстро заткнулся. Или я тебе...

Раздался звук глухого удара и приглушенный стон. Через мгновение дверь распахнулась. На пороге стоял Воронцов с автоматом в руках.

– Скорей, юноша, – старик схватил меня и потащил за собой, – только пригнитесь.

Мы прокрались вдоль стены строящегося дворца в сторону ворот. Недалеко от них стояло несколько машин.

– Вы водить машину умеете? – старик положил автомат на колени.

– Умею. Я даже смогу завести вон те жигули без ключей.

– Ох ты, – довольно хмыкнул старик, – откуда такие познания? Вы часом не угонщик?

– Не. Просто у отца были такие жигули и когда мне нужно было покатасть подружек я знал что надо сделать, – я размял пальцы, похрустывая суставами, – ничего хитрого.

– Тогда вот что, сударь. Подберитесь к машине. А когда заведете, я отвлеку их внимание на себя.

– А как же вы? Давайте вместе сбежим!

Старик усмехнулся.

– Не выйдет у нас вместе. Дай Бог у вас одного получится, если я смогу отвлечь их. На вышке видите, вон – старик мотнул головой вверх – пулеметы. Так что план такой. Заводите машину, я отвлекаю, а вы ворота сносите и айда по трассе. Бежать то есть куда?

Я пожал плечами. Фархад не успокоится пока не найдет меня и не убьет. Это и морскому ежу понятно. В Ялте ли, в Кафе ли и даже в Ахтияре – везде меня будут ждать. Или его бойцы или прикормленные стражи шариатской гвардии.

– Юноша, в десяти километрах отсюда, по дороге в Акъмесджит есть поворот в сторону горы Ак-кая. Свернете на него. Доедете до скал и увидите указатель на пещеру Алтын-Тешик. Сбросьте машину в пропасть, а сами идите пешком до верхней пещеры. Там вы найдете наших. Передайте им поклон от меня.

Старик перекрестился и передернул затвор автомата. У меня сжался комок в горле

– Ну, с Богом, юноша.

– Так тебя, значит, Воронцов сюды направил? Этот, ну тот который дворец тут построил в Алушке, да? – голос с ехидцей шел будто из самой электрической лампы, направленной мне в лицо.

– Послушайте, еще раз вам говорю, – я потянулся, забыв, что руки связаны, – старик сказал, что здесь я смогу укрыться. Он назвал свое имя Воронцов Арсений...

– Может хватит уже Ивана разыгрывать, а? Или скажешь всю правду и мы тебя быстро отправим на тот свет, хоть к Аллаху хоть к шайтану. Или я сейчас позову Ахмеда у которого твои дружки из шариатской гвардии забили камнями дочь. Так он тебя так оприходует, что ты будешь молить, чтобы мы тебя поскорей убили!

Я закрипел зубами, вспоминая, как я прорвался сквозь ворота, как старик расстрелял охранников на вышке, как я шел под палящим солнцем через горные перевалы.

Удар ноги выбил из под меня стул и я упал. Лежа на полу, я увидел, как в помещение кто-то вошел.

– Прекратить! – раздался высокий мужской голос, – Жабров, сколько раз уже было говорено, пытки это у них! А у нас или сразу признается или со скалы сбрасываем!

– Дык ведь это, Искандер, – голос слегка изменился – ты конечно в авторитете и все такое. Мы тебя все очень уважаем. Только вот насчет того как допрос вести – это уж мы сами разберемся. Тем более, что Совет так и не принял решение о запрете пыток. А этот типаж очень подозрительный. Каким-то образом смог пройти сквозь патрули гвардейцев. Про Воронцова тут шнягу прогнал. Мол он у какого-то барыги чалился с другими и помог ему с побегом. А мы же все видели как его бомбой разорвало, когда на турецкую облаву на перевале нарвался.

– Подыми его, сейчас разберемся.

Меня рывком сдернули с пола и усадили на стул. Я, сощурившись, посмотрел на говорящего, чей голос показался до боли знакомым.

– Вот так встреча! Камиль! Развяжите его немедленно!

Я смотрел на говорящего все еще не веря своим глазам. Искандер. Мой бывший одноклассник. У которого я когда-то увел девушку. А потом дрался с ним из-за нее. И с которым в итоге подружился. Когда Амина бросила и меня. Эх, как же мы напились тогда с ним.

– Так вы значит знакомы, – Жабров снял кожаный передник и закурил.

– Знакомы, – бросил Искандер, помогая освободиться мне от веревок, – я за него ручаюсь.

– Это хорошо, аркадаш. Только это ведь не означает, что его не могли завербовать и забросить к нам. И ежели потом выяснится, что он совсем не тот, кого ты знал раньше, сам понимаешь...

Искандер пристально посмотрел мне в глаза. Я вкратце рассказал всю историю, опустив некоторые подробности.

– Я его заберу к себе. Под мое личное поручительство, – Искандер помог мне встать и, придерживая, повел к выходу.

– Якшы, Искандер, забирай. А вечером на Совет вместе с ним придешь, – Жабров зло усмехнулся, – там и поглядим что стоит твое слово.

– Воронцов классный был мужик. А знаешь чем он до всего этого занимался? – Искандер достал бутылку масандры и разлил по пиалам, – историю преподавал в Севасте. В военно-

морской академии. Ну а когда началось... Вначале как и все ходил на митинги. Статьи писал в интернете. Пока его квартиру с женой и внуками не взорвали. Потом пропал на полгода.

Искандер замолчал и поднял пиалу.

– Давай не чокаясь. Светлая память ему.

–Амин!

Я оглядел крохотную каморку Искандера, где мы сидели. Узкий топчан, портрет Гаспринского, стопка книг в изголовье вместо подушки, пара охотничьих ружей в углу. Тусклый свет лампочки выхватывал из полутьмы надписи арабицей на стенах.

– Ты, наверное, слышал как в порту один за другим подорвали два турецких торпедных катера и американский эсминец? Так это его группа устроила. Воронцов же был до гражданки боевым пловцом. Он бы еще потопил корабли, да нашелся предатель. В общем, он смог уйти, шел к нам, да попал в засаду на перевале. Мы видели взрыв, думали он погиб, а он вот значит выжил...

– Ты то сам как здесь оказался? – спросил в свою очередь я, – ты же здесь вроде как один из командиров?

– Долгая история, – усмехнулся Искандер.

– А я не тороплюсь.

– Чтож, да рассказывать особо и нечего. Ты же сам помнишь, как все радовались, когда навели порядок и покончили со свидомыми. А у меня до этого были разборки с братвой из под Гезлева – денег требовали с моих ресторанов, типа закят на джамаат. Я тогда их послал, а эти упыри потом опять ко мне пришли, но уже в форме шариатских гвардейцев.

В дверь каморки постучали и не дожидаясь ответа в нее вошел парень в рваном камуфляже.

– Селям алейкум, Искандер-бей!

– Селям. Что тебе?

– Совет уже начался. Вас обоих велено позвать.

Искандер хмыкнул.

– Ну, раз велено, то пойдем.

Мы шли по узким пещерным коридорам, освещаемым часто мерцающими лампами. По дороге Искандер рассказал о том, как устроена жизнь в пещерах.

– Люди здесь разные собрались, Камиль. Я командир отряда мусульман. У нас в основном все местные татары, но есть и новообращённые и с Кавказа ребята и с Волги. А еще здесь есть отряды русских, украинцев, армян, казаки, байкеры и сектанты. Короче полный суповой набор. Наверху нас пасут натовцы и шариатские патрули. Сюда пока особо не лезут. Но и не выпускают никого. На склонах дежурят их снайперы. Если б не тайный ход, то с голоду бы умерли. Тебе каким-то чудом удалось пройти, поэтому к тебе так и отнеслись. Мы подозреваем, что против нас готовят карательную операцию. А здесь и так своих проблем хватает. С недавних пор люди стали пропадать на нижнем уровне. Много людей. А у нас там половина запасов хранится. Скоро голод начаться может.

Мы подошли ко входу хорошо освещенную пещеру, где заседали члены совета. Среди них я увидел своего давешнего мучителя.

– А вот и наш гость! – выкрикнул Жабров, – сюда иди. Пусть народ на тебя поглядит. Выходи на середину. А ты, Искандер, погоди, сначала мы гостя нашего поспрашиваем.

Я вышел вперед.

– Ти значить вид Воронцова? – спросил парень в папахе и в кожаном пиджаке с повязкой с изображением трезубца, – А чим доведеш?

– Ничем. Арсений Павлович дорогу сюда указал, перед тем как спасти меня, – я оглядел сидящих и продолжил, – идти мне больше некуда, меня сейчас ищут.

Это я зря сказал. Народ тут же недовольно загудел.

– Этого нам еще не хватало! Может ты нам еще гостей каких на хвосте привел, а? – зашипел в сидящий углу мужичонка с пистолетом за поясом.

– А я об этом вам и говорил, братва, – влез в разговор Жабров, – или он заслан к нам сюда или за ним толпа придет.

– Послушайте, – почти выкрикнул Искандер, – я давно знаю Камиля. Он рассказал мне как попал в такую ситуацию. Предлагаю оставить его у нас. Мы же не звери какие. Я ручаюсь за него.

– Есть предложение, – ввернул Жабров, – поручительство это хорошо. Но нам бы гостя нашего проверить на деле. Пусть он докажет, что готов стать одним из нас.

– И что ты предлагаешь? Дать ему автомат и послать наверх снять снайперов? – Искандер скрестил руки на груди.

– Автомат дать и послать. Да только не наверх, а вниз. Туда, на первый уровень. Пусть он там все разведает и нам доложит, а? Что скажете, братва?

– Да, верно, пускай идет. А там уж поглядим.

– Эй, аркадаш, ты в порядке? Отпускай веревку!

Я стоял на дне глубокого спуска и пытался зажечь сигнальный факел. Наконец яркий свет озарил мокрые стены пещеры.

Отвязав веревку я снял с плеча автомат. Держа в руке факел я вошел в узкий тоннель. На стенах пещеры слева и справа виднелись древние надписи и рисунки. Один из рисунков показался мне знакомым. Подойдя ближе я разобрал надпись по-арабски, изображающую одно из имён Аллаха. Мне вспомнились прощальные слова Искандера: «разные люди и существа здесь раньше жили, одни из них поклонились Аллаху, а другие Иблису. Местные рассказывали, что здесь живет дракон».

Я прошел по узкому ходу почти полкилометра, когда на плечо мне легла чья –то тяжелая рука и усталый старческий голос произнес:

– Куда путь держишь, странник?

Роняю автомат на землю и сам падаю вслед за ним. Факел выпал из рук. Я пополз в сторону, пытаясь укрыться за камнем.

– Это не имеет смысла, – огонь факела выхватил из полутьмы фигуру старика, одетого в странный наряд, наподобие тех, что носили в старину татарские купцы, – выходи сам. И не задерживай меня.

– Вы, кто, эфенди? – я приподнялся.

– Я Акбар, раб милостивого Аллаха, из племени ифритов. Страж этой пещеры, куда посмели забраться твои неверные собратья.

Ифриты. Одно из племен джиннов. Но откуда им здесь взяться? Старик видимо с катушек слетел. А как же пропавшие бойцы? О Аллах, неужели я попал в руки маньяка? Автомат валялся в паре шагов от меня. Попробую заговорить ему зубы.

– Селям Аллейкум, Акбар-бей! – пытаюсь улыбнуться и потихонькудвигаюсь в сторону оружия, – я не знаю кого вы называете неверными, но я, Альхамдулиллях, правоверный мусульманин.

– Стой где стоишь, презренный лжец, – прошипел старик, скривив рот, – думаешь твое оружие поможет тебе? Ну, так смотри.

Старик простер руку в сторону автомата и он на моих глазах моментально покрылся ржавчиной и рассыпался в горстку бурой пыли.

– Твои неверные друзья тоже пытались убить меня, за что сразу заплатились жизнью. Ты, я вижу, хочешь последовать их судьбе? Что ж, да будет так...

Я понял, что еще миг и моя участь будет решена. И я отчаянно закричал:

– Стойте, стойте! Акбар-бей, не надо меня убивать! Вы же мусульманин!

Старик ухмыльнулся.

– Да, я из праведных джиннов, а не слуга шайтана! И чем же это тебе поможет, презренный?

– А тем, что если вы мусульманин да еще праведный джинн, то разве вы могли забыть хадис о том, что перед Аллахом легче уничтожение всего мира, чем убийство одного невинного человека?

Старик погладил свою бороду и пробурчал.

– Так то невинного. А все твои друзья сразу начинали метать куски металла из своих орудий шайтана. И ты тоже хотел моей смерти, разве не так?

– Не так! Да и откуда мне было знать, что вы на самом деле праведный джинн! Слуги шайтана часто прикидываются мусульманами, чтобы быстрее увлечь их в ад.

– Гмм... а ну ка произнеси шахаду.

Я перевел дух и сел на колени. Никогда не строил из себя строго соблюдающего мусульманина, хотя в наше время попасть в шариатский суд за малейшую провинность было как два пальца об асфальт. И хадис я вспомнил лишь потому, что услышал его недавно в одном из арабских сериалов, что без конца теперь крутят по телевизору. Но шахаду, хвала Аллаху, я помнил.

– Ашхаду алля иляха илляллах ва ашхаду анна Мухаммадан расулюллах!

– Амин!

Взгляд старика смягчился, он подошел поближе и сел напротив меня.

– Я все еще не уверен, что тебе можно верить, эээ...

– Камиль.

– Камиль? Что за имена пошли у людей, – старик достал откуда-то из недр халата трубку и задымил, – так что ты тут забыл, Ка-милъ?

– Акбар-бей, наверху в пещерах живут люди, которые прячутся от других людей, которые..., – тут я запнулся. Как я могу объяснить старику или джинну, во что я до сих пор не могу поверить, что нынешние властители полуострова, причисляющие себя к истинным мусульманам, творят чудовищные вещи?

– Что ты замялся, аркадаш? От каких людей вы прячетесь?

– От плохих. От тех, кто прикидываясь праведными на самом деле таковыми не являются... – тут я вспомнил, как меня допрашивали наверху и поежился.

– Продолжай.

– Здесь, в пещерах на нижнем уровне у нас спрятаны запасы еды. Если мы не получим к ним доступ, то начнется голод.

Старик пыхнул мне в лицо трубкой и небрежно бросил:

– Что-то не очень были похожи твои друзья на тех, кто борется с мунафиками. Я бы даже сказал, что они сами тоже или мунафики или кафиры. Один ты мусульманин. Впрочем, Аллаху виднее.

– Акбар-бей, разрешите моим друзьям забрать наши запасы и мы больше вас никогда не потревожим!

Джинн задумчиво дымил и как будто не расслышал моей просьбы. Наконец он выпустил трубку из-за рта и произнес.

– Я все размышляю над тем хадисом, что ты успел сказать до того, как я чуть не отправил тебя на тот свет, Астагфируллах. Раз ты говоришь, что они борются с мунафиками, то сам я не могу решить такой вопрос в одиночку. Придется вести тебя на совет джиннов.

Джинн сделал легкое неуловимое движение рукой и я оказался вместе с ним в светящемся прозрачном тоннеле, несясь на огромной скорости. Старик держал одной рукой меня

за шкурку, а в другой придерживал все еще дымящуюся трубку, из которой сыпались тысячи мелких искорок. Наш полет продолжался несколько минут. Наконец тоннель закончился и мы упали со стариком оземь.

Акбар первым встал на ноги и довольно осмотрелся кругом.

– Добро пожаловать в мир джиннов, аркадаш. И да свершится воля Аллаха!

– О вы, которые уверовали! Если нечестивец принесет вам весть, то разузнайте, чтобы не поразить по незнанию невинных людей, а не то вы будете сожалеть о содеянном! Так сказано в аятах!

– Акбар, мы не хуже тебя знаем священные аяты! Давай-ка лучше послушаем, что нам расскажет человек. Итак, ты поведал нам о том, что властителями полуострова стали люди, притесняющие правоверных и людей писания, прикрываясь священным Кораном?

Высоко надо мной в воздухе реял огромный человек, ноги которого будто вырастали из холодного синего пламени. Рядом с ними зависли без движения десятки других людей, одетых в старинные одеяния.

Я откашлялся и продолжил.

– Да, именно так. Они погубили многих невинных людей, а других сделали рабами. А те, кто не захотел им подчиниться, сейчас скрывается в пещерах и их участь зависит от того поможете ли вы им.

– Гмм...все это очень странно, человек. Люди, почитающие Коран, не могут так поступать.

– А если это слуги шайтана, которые хотят сбить с пути истинных правоверных? – подал голос один из джиннов помоложе, – разве не могут они прикинуться праведными властителями?

– Может ты и прав, ифрит. В нашем джихаде, что длится от сотворения мира, мы видели всякое. Многие наши джинны перешли на сторону Иблиса, поддавшись на увещевания. И теперь его сила многократно возросла.

Джинны стали переговариваться, шум нарастал.

– Вот что я скажу, правоверные. Мы выслушали этого человека и теперь должны подумать как нам поступить. Предлагаю пока оставить его под присмотром Акбара, а завтра вновь соберемся на наш меджлис.

Я с облегчением вздохнул и расправил плечи. Джинны быстро разлетелись и я остался вдвоем с Акбаром. Я находился в месте обитания джиннов всего несколько часов и увидел совсем немного. Джинны жили в огромном городе, похожем на древний Багдад из голливудских фильмов. Белые глиняные дома, узкие переулки с высокими заборами, многоголосые рынки и возвышающиеся над ними минареты. А посреди всего этого дворец совета джиннов, где и слушалось мое дело.

– Бисмиллях, – старик Акбар взмыл в воздух, обхватив меня за пояс, и мы полетели над городом. Мимо нас пролетали на большой скорости другие джинны, но мы удивительным образом избегали с ними столкновений. Через полчаса мы приземлились на окраине города во дворе дома, где росли вишни.

Старик Акбар завел меня в дом и усадил на топчан. Обстановка внутри напоминала стандартное убранство татарских домов в степных районах, разве только не было телевизора и фотографий на стене.

– Переночуешь у меня, аркадаш, а завтра... – старик задумался, и хотел было продолжить как дверь в комнату резко отворилась и впорхнула девушка с длинной черной косой, в шараварах и золотистом халате.

– Дедушка, здравствуй! Ой, а кто это с тобой? – девушка с интересом посмотрела на меня.

– Малика, это человек, он не из нашего мира. Я встретил его там, наверху, в пещерах. До завтра он наш гость. Давай-ка накрой нам на стол, внучка. Мы проголодались.

– А имя есть у этого человека? – спросила девушка, – и вообще он разговаривает?

– Меня зовут Камиль.

– А чем ты занимаешься, когда не бродишь по пещерам?

– Я архитектор. Проектирую дома и дворцы.

– Дворцы? Ух ты!

Старик недовольно закричал и девушка, смутившись, побежала накрывать на стол.

– Акбар-бей, скажите, а почему вы сами не живете во дворце? Ведь вы же можете себе наколдовать все что угодно? И магической силы у вас хватает на это.

– Аркадаш, я из тех джиннов, кто раб Аллаха, а не слуга Иблиса. Да, мы можем использовать магическую силу, когда воюем со слугами шайтана. И еще мы можем очень быстро перемещаться. Таковы наши способности.

Старик вздохнул и продолжил.

– Тяжелые дни настали для праведных джиннов. Полчища Иблиса впервые за многие века приблизились к стенам города и вот-вот пойдут на приступ. А наши силы сильно ослабли после того как многие молодые джинны поддались на посулы неверных и перешли на другую сторону. Вот, даже бывший жених Малики стал кафиром и приспешником Иблиса. Она его вроде уже забыла, да нет-нет и всплакнет.

– Почему же молодежь уходит?

– Тому много причин. Сатана искушает джиннов возможностью совершать все то, что запрещено в Коране, обещая им, что в день страшного суда их, как и его самого, Аллах простит. Иблис говорит им, что он действует, выполняя договор с Создателем. Однако тут он лукавит, ибо Аллах оставил Иблиса для лишь того, чтобы с его помощью отделять истинных правоверных от неверующих и лицемеров.

В комнату вошла Малика и стала расставлять еду на столе. Я старался не слишком пристально смотреть в ее сторону и мне показалось, что я неплохо справился с этой задачей. Накрыв на стол, девушка присела с нами.

– Камиль, а чем у вас молодежь вечерами занимается?

– Ходит гулять, в кино, рестораны, дискотеки и еще много куда.

– А что такое ки-но? И эти как ты сказал –рес-то-ра-ны?

Я попробовал как мог кратко объяснить девушке про последние достижения человеческой мысли в индустрии развлечений. Малика время от времени прикрывала рот от смеха, качала удивленно головой.

– Ну а вы чем тут развлекаетесь по вечерам? – я попробовал предположить чем могут заниматься молодые праведные джинны и джинии, – тоже наверное танцы, песни, игры какие-нибудь?

Малика вздохнула и украдкой посмотрела на старика.

Акбар молча грыз баранью кость, так смачно чавкая, что видимо не слышал наш разговор.

– Да ничем мы тут не занимаемся. Музыка запрещена, танцевать нельзя, рисовать только узоры. Девушка всегда должна ходить не одна, а под присмотром родственников. Книги только самые скучные. И ладно еще у меня дедушка такой добрый, а у других чуть что – до тех пор, пока замуж не выйдешь – за малейшее прегрешение плеткой бьют!

– А как же твой бывший, с ним-то ты как познакомилась?

– Это тебе дедушка проболтался, да? Нас сосватали друг другу еще с пеленок. Я вначале его терпеть не могла, а потом привыкла, он даже нравиться мне стал. Да только..., -девушка вздохнула, – он все хотел, чтобы я... Ну в общем хотел согрешить со мной. Но у него ничего не получилось с непривычки. Он жутко рассердился, а тут как раз в город проникли шайтаны обоих полов. Вот он с ними и загулял, а потом исчез. А с ним еще с десяток парней с нашей махали.

– Ты знаешь, у нас там тоже наверху хотят, чтоб без музыки, танцев, вина и табака. Но пока еще не запретили. Точнее кое-что запретили, да все равно люди тайком пьют, гуляют и занимаются прочими неприличными вещами.

– Астауфирлах! – возопил старик, расслышавший мои последние слова, – что вы там обсуждаете?

– Камиль рассказывает какие нравы у них там наверху, а я про то какие праведные джинны живут в нашем городе! – быстро нашлась с ответом Малика.

– Машаллах, – произнес старик, – раз ты уже поел, то давай-ка я тебя отведу в чулан и запру – я ведь как-никак за тобой присматривать должен. Айда, пошли.

Малика с грустной улыбкой проводила меня взглядом, когда старик уводил меня в свой доморощенный зиндан. Мое узилище оказалось достаточно комфортным и если не замок на двери, то я бы счел его съемной хатой для отдыхающих на море. Я с удовольствием растянулся на кровати, рассчитывая вздремнуть часок-другой, когда дверь в мою тюрьму отворилась. В дверном проеме стояла Малика.

– Расскажи мне о тех неприличных вещах, которыми вы занимаетесь у себя там наверху, – прошептала девушка, сбрасывая одежду на пол...

– Давай убежим отсюда! – Малика лежала на моей руке и игриво покусывала меня за ухо, – я ведь джиния, вмиг унесу тебя на самый край нашего мира.

– А как же твой дедушка? – я привстал на локте и поцеловал девушку в плечо.

– О нем можешь не беспокоиться – он то у нас ходок еще тот. Думает я не знаю, зачем он шастает по несколько раз в неделю к Дефне-ханум. Ну так что бежим или ты будешь ждать чем кончится суд джиннов над тобой?

Я замотал головой. Еще мне не хватало, что джинны отправили меня куда-нибудь на очередное испытание моих нервов.

Мы быстро оделись и украдкой проскользнули мимо мирно храпящего старика Акбара.

Малика обхватила мне за пояс и взлетела над крышами домов.

– Ииихххуу! – закричала она и мы огромной скорости полетели из города.

Под нами проносились леса и пустыни, реки и озера. Иногда в небе нам встречались другие джинны, с удивлением глядящие на нас. Через пару часов мы приземлились на берегу моря, в уютной бухте, на берегу из мелкой гальки.

– Какая красота! – девушка засмеялась и, быстро скинув одежду, нагишом прыгнула в волны. Я стоял у самой кромки воды и смотрел на догорающий закат. Чайки отчаянно голосили и проносились над нами, широко раскрывая клювы. Скоро мне стало казаться, что ничего из того, что случилось за прошедшие дни, на самом деле не было. Я сел и песок и закрыл глаза, представив, что я загораю на ялтинской набережной и смотрю на медленно плывущие далеко в море корабли.

Шум шагов по осыпающимся камням заставил меня открыть глаза и обернуться. Передо мной стояло несколько омерзительных существ в темных одеждах, похожих на джиннов, но только с маленькими отростками на голове. Один из них взял меня за воротник и притянул к себе.

– Вот так удача, воины Иблиса! Нам попался человек. Ха-ха-ха.

Где-то позади пронзительно закричала Малика. Я повернул голову и увидел, как девушку вытаскивают из моря и волокут в нашу сторону по песку за волосы.

– Ай-яй-яй, человек, как не стыдно, а? Совратил праведную джину с пути истинного. Ай-яй-яй.

Я попробовал отпихнуть шайтана, но тут же упал оземь рядом с Маликой.

– Послушай, меня, аркадаш, – протянул слащаво шайтан, – зачем оттягивать неизбежное? Ведь ты и так уже по сути перешел на сторону великого и всемогущего Иблиса – разве нет? Осталась чистая формальность – отречься от... не хочу даже произносить его имя и поклясться в верности истинному властителю миров – Иблису!

Шайтан взял подмышки плачущую Малику и поставил на ноги.

– Джиния, тебе что хочется назад в ваш убогий и бессмысленный город праведных джиннов, где все тайком грешат налево и направо, а? Пойдем с нами, милая. Прости, что мы были так грубы с тобой – вот, укройся!

Шайтан накинул на едва прикрывающую свою наготу руками девушку плащ.

– Вот, выпей, тебе это поможет быстро успокоиться!

– Что это? – спросила, вытирая слезы, девушка.

– Это самый лучший на свете напиток из лозы винограда, дарящий радость душе и уму, погружающий нас в иные волшебные миры. Пей, не бойся, вот так. Ну как, уже лучше? Ну ка еще бокальчик, хи-хи.

– Итак, продолжим, аркадаш. Так ты значит человек? Что же ты тут забыл?

– Я попал в плен к джиннам, когда шел по пещере.

– А, знаю я это место. Мы там иногда бываем и частенько подшучиваем над стариком Акбаром. Ну так и что же ты там делал? Может ты из этих, кто прячется в пещерах от других людей наверху? Я угадал?

– Я уже запутался кто от кого прячется. Послушайте, не мучайте девушку, отпустите ее, она не виновата. Это все я.

– А кто ее мучает, аркадаш? Сам посмотри – ей же очень хорошо с нами, да? Так ты согласна пойти с нами, а? Хорошо-хорошо, пусть подпишет пергамент своей кровью и подарите ей все возможные наслаждения, которых она была лишена все эти годы, ха-ха!

Я рванул к Малике, но чьи-то сильные руки удержали меня. Громко хохоча, девушка запрыгнула на плечи одного из шайтанов и взлетела с ним в воздух, расплескивая во все стороны вино из кувшина. Пролетая надо мной она крикнула:

– Ай да вино! Камиль, лети с нами! Ииииххуу!

– Не переживай, аркадаш. Ей теперь так хорошо. Да и тебе пора давно уже присоединиться к нам, а?

Я собрался с духом и быстро произнес:

– А‘узу биллахи мина-ш-шайтани-р-раджим!

Лицо шайтана зло искривилось и в этот момент я увидел, как в небе появились десятки джиннов.

– Тебе повезло, презренный. Твои дружки прилетели. Но мы еще с тобой встретимся и продолжим разговор. Это я тебе обещаю.

Шайтан взмыл в воздух и бросился догонять своих товарищей.

Рядом со мной опустились на землю несколько джиннов, вместе со старшим джинном, допрашивавшим меня на совете.

– Мы долго думали нужно ли тебя спасать, человек. Но за вас с Маликой просил старик Акбар. Где она кстати?

Я сжал кулаки и пробормотал.

– Она ушла с ними.

– Ясно. Я не буду тебя спрашивать что вы с ней делали. Пусть это останется на твоей совести. А теперь полетели обратно. Суд над тобой будет завершен до того как взойдет Луна на небе.

– О праведные джинны, прежде чем мы приступим к суду над этим человеком я хочу сообщить печальную весть, – глава совета джиннов глубоко вздохнул, – старик Акбар только что умер. Его сердце не выдержало того, что любимая внучка присоединилась к приспешникам Иблиса. Да успокоит Аллах его душу в Раю!

Джинны возмущенно загудели. Я стоял посреди огромного зала, прикованный к столбу тяжелой цепью. Рядом сидел на топчане джинн-палач с ятаганом, пробуя пальцем остроту клинка.

– Правоверные, будем ли мы разбирать дело или сразу приговорим человека к наказанию как положено по законам шариата?

Мнения джиннов разделились.

– Отрубить ему голову!

– Нет, он же не совратил замужнюю джинию – ему полагается лишь сто плетей за прелюбодеяние!

– Да, какие сто плетей – он же не ушел с ней к Иблису!

– А что с ним дальше делать? Разве можем мы его оставить в нашем мире? И обратно вернуть тоже нельзя! Выходит лучше казнить?

Я стоял, озираясь по сторонам, пытаюсь разобрать сквозь громкие крики перебранки джиннов слова тех, кто предлагал меня простить. Наконец, старший джинн заставил всех замолчать и обратился ко мне.

– Праведные джинны решили приговорить тебя к наказанию ста ударами плетей за прелюбодеяние с незамужней джинией. Однако, поскольку ты устоял перед посулами шайтанов тебе полагается всего лишь ... десять плетей. Палач, приступай!

Палач разочарованно отложил в сторону ятаган и достал кожаную плеть.

– Бисмиллях! – вскрикнул джинн и стал хлестать меня по спине. Я закусил руку от боли, слезы выступил у меня на глазах. Наконец, он остановился, когда я скорчившись лежал у столба, нервно вздрагивая в ожидании новых ударом.

Когда я открыл глаза все джинны уже разошлись, кроме главного.

– Встать то сможешь? – грозно спросил он.

– Да... – простонал я и поднялся на ноги.

Джинн схватил меня подмышки и вылетел из дворца. В этот раз меня ждала не убогая хибара на окраине города, а роскошный особняк с мраморными львами у входа и высокими колоннами в коринфском стиле.

Джинн отнес меня в беседку в саду и положил на ковер.

– Что же с тобой делать эээ... странник?

– Меня Камилем зовут. А тебя?

– Омар ибн Булгари. Есть хочешь, наверное? – джинн хлопнул в ладоши передо мной из ниоткуда возникли блюда с изысканными кушаньями и напитками. Я молча схватил тарелку с пловом и стал зачерпывать рис прямо руками и быстро отправлять его себе в рот.

– Расскажи мне еще о вашем мире, человек.

– Да я уже почти все рассказал. Ну, про самое главное.

– Меня интересует могут ли нам помочь люди в войне с шайтанами? Я как-то подслушал разговор людей в небе. Они летели на двух железных птицах и говорили о том, что у вас есть много невиданных видов оружия, которым можно уничтожить всю земную твердь.

– В Крыму его еще нет. Американцы обещали в этом году разместить ядерные ракеты, но пока только площадки в горах подготовили для баз.

– Ра-ке-ты?

Я рассказал Омару про ракеты и ядерные бомбы и подлодки. Джинн качал головой и восторженно цокал и восклицал время от времени: Машаллах!

Когда я доел, то попросил Омара показать мне внутреннее убранство дома –я старался запомнить все эти сказочные орнаменты и узоры. В самой большей зале я увидел на столе кувшин, который показался мне очень знакомым. Я не мог вспомнить где его уже видел.

– Омар ибн Булгари, а что это за кумган? – я дотронулся до кувшина.

– Это сосуд, в котором однажды я провел несколько тысяч лет из-за злого колдуна. В другом таком же кувшине был мой брат – Осман. Самый великий джинн всех времен. Его мощь и сила превосходят силы почти всех наших джиннов. Если бы мы могли найти его.

Внимательно смотрю на кумган и стучаю себя кулаком по лбу.

– Омар! Я видел точно такой же кувшин в нашем мире! И надпись и узоры –все совпадают.

Джинн вскочил на ноги и схватил меня за плечи.

– Ты уверен в этом, человек? Поклянись, что это не обман!

– Я уверен и клянусь, что это так! У меня отличная зрительная память.

– О Аллах, если это правда, то нам нужно срочно добраться до него! Не сегодня-завтра полчища слуг Иблиса обрушатся на нас, а потом они и за вас возьмутся! Быстрее летим! Я немедленно созываю совет джиннов!

И снова я стоял перед скопищем джиннов, недоверчиво выслушавших мое сообщение. Но в этот раз Омар не стал тянуть. Он быстро собрал отряд во главе которого мы полетели наверх в пещеру, где меня подобрал старик Акбар.

Перед тем как отправиться я обратился к джиннам

– Праведные джинны, у меня будет одна просьба.

– Говори!

– Помогите моим друзьям одолеть негодяев, угнетающих мой народ!

– Ты говоришь о тех, кто прикрываясь священным Кораном, убивают невинных?

– Именно так.

– Хорошо. Если это слуги шайтана, то наша ярость будет страшна, – сказал от имени совета Омар.

Встреча джиннов с людьми в пещере началась с того, что по джиннам открыли огонь из всех видов оружия. Я не сразу смог перекрычать звуки выстрелов и упрямых джиннов не применять свои силы.

– Остановитесь! Прекратите, слышите! Это говорит Камиль, которого вы отправили вниз, чтобы узнать, что там творится!

– Камиль, мы не видим тебя, но если это ты, то скажи где была родинка у Амины? – я узнал голос Искандера и облегченно засмеялся.

Прижав ладони ко рту, я громко выкрикнул ответ. На той стороне пещеры раздались смешки.

– Это точно, Камиль – крикнул Искандер, – иди к нам и возьми с собой одного из тех, кого ты привел. Только скажи, чтоб без всяких глупостей.

Мы с Омаром двинулись в сторону людей Искандера, направивших на нас автоматы и испуганно таращившихся на синее пламя под ногами Омара.

Нас провели в узкую пещеру с зелеными от плесени сталактитами, где ждали командиры отрядов пещерных жителей.

– Це що ще за чудисько? – указал удивленно парень в папахе на Омара.

– Джинн, – ответил я.

– Джинн? Это как в сказке про Алладина что-ли?

Я досадливо поморщился.

– Это не из сказки. Это самый настоящий ифрит, глава племени джинов – Омар ибн Булгари. Он обещал нам помочь избавиться от ненавистного ярма исламистов.

– А Луну с неба он тебе не обещал, а? – зло засмеялся Жабров, – какой он нафиг джинн. Фокусы какие-то показывает и мы на это должны повестись, братва?

Омар посмотрел на Жаброва и протянул в его сторону руку. Жабров вдруг перевернулся вниз головой и взлетел к потолку, отчаянно вереща. Командиры схватились за оружие и направили его на нас.

Искандер закричал.

– Тихо! Успокойтесь! Я все-таки мусульманин и не могу не верить в существование джинов. И мы находимся в такой ситуации, что нам ничего другого не остается как пропустить отряд этих существ. Может быть, это все не сказки. Наших запасов еды осталось на два дня, а затем начнется голод. Пусть идут!

Джинны уничтожили бойцов Фархада за считанные минуты. Их разрубленные тела тут же сбросили со скалы в море. Сам Фархад пытался спрятаться в собачьем питомнике, но освобожденные джиннами рабы его выволокли наружу и прибили гвоздями к стене почти достроенного дворца.

Омар положил мне руку на плечо.

– Это один тех мунафиков, про которых ты рассказывал?

– Да. Ты можешь стереть с лица земли все это поместье и восстановить маяк, который раньше освещал здесь путь кораблям, Омар?

– Мне ничего это не стоит, только скажи вначале, где кувшин.

Мы спустились в подвал. Кувшин лежал точно там, где я видел его в последний раз.

– Держи, Омар.

Джинн бережно взял кувшин в руки и выбежал наверх. Он потер сосуд, еле слышно читая заклинание.

Кувшин завибрировал в руках джинна и земля под нами тоже затряслась мелкой дрожью. Из кувшина повалил дым и через мгновение из него вырвался джинн размером с океанский лайнер. Он с ненавистью посмотрел на нас и сжал кулаки.

– Презренные твари, молитесь, чтобы ваша смерть была легка!

– Осман, брат мой! Это я Омар! – джинн подбежал к брату и попробовал обнять его за палец огромной ноги.

– Омар? – удивленно поднял брови джинн, – брат мой, как же я тосковал без тебя!

Осман поднял на ладони младшего брата и слезы побежали из его глаз. Братья проговорили друг с другом еще полчаса, когда я решил напомнить им о себе.

– Праведные джинны, я прошу простить меня, – прокричал я, – но мы договаривались, что вы поможете людям восстановить справедливость! Мои друзья в пещере также ждут помощи!

– Помощи? – Осман нахмурился, – я ничего людям не обещал и помощи им от меня не будет никогда! Нам нужно спасти свой мир от войск шайтана. А вы уж люди сами между собой разберитесь как-нибудь.

Омар попытался что-то возразить, но Осман приложил свой палец к его губам.

– Омар, ты же обещал! – закричал я.

Братья молча переглянулись и взмыли в небо. Вслед полетели и другие джинны. Я кричал им вслед, бежал за ними, но джинны быстро исчезли в облаках. Напоследок из облаков сверкнула молния, все строения задрожали в воздухе и исчезли. И только на самом краю скалы, точно там же где и раньше, стояла башня маяка из белого кирпича, на самом верху которой ярко вспыхивал луч света.

– Эй, юноша, а что грустим?

Оборачиваюсь. Воронцов! С перевязанной рукой прижимает к себе автомат. Бросаюсь к старику.

– О Аллах! Мы все думали, что вы не выберетесь.

– Я тоже так подумал, когда прыгнул в море со скалы. Но Господь зачем-то решил сохранить мне жизнь, – старик присел на камень и закурил.

– Что же нам теперь делать? Сейчас сюда примчатся гвардейцы с американцами! А джинны нас бросили.

– Пускай едут. У нас же есть чем их встретить, а братцы? – обратился к толпе освобожденных рабов Воронцов, – джинны, говорите, бросили? Да кто нас только не бросал и ничего, живы пока, верно?

– Верно говоришь, старик!

– Ну что так и будем тут ждать у моря погоды? Юноша, как там в пещерах – держатся еще наши?

– Держатся. Только совсем дела их плохи. Запасы и патроны на исходе. Я думал джинны помогут, а они.. – я махнул рукой.

– Тогда вот что. Вы машину еще водить не разучились?

– Нет.

– Тогда позвольте пригласить вас всех на стоянку внизу под скалой – там стоит грузовик.

– Я хочу сам повести, Арсений Павлович!

– Воля ваша, юноша! Только давайте поторопимся, братцы.

Грузовик быстро набирал ход с горы, когда я увидел впереди перегородивших дорогу броневика и солдат. По бамперу защелкали пули, стекло разлетелось вдребезги, царапнув лицо.

Нажимаю на газ и мотор надсадно рычит. Машина летит прямо на толпу солдат, стреляющих в нас. Я закрываю глаза и шепчу:

...По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,

И лежит земля страстная в черных ризах и орарях...

Отец Ибрагим

Она пришла ко мне в офис рано утром. Прямо с улицы без записи. Будто секретарша Жанна в приемной превратилась в невидимку, и ее возмущенное фырканье было чем-то вроде жужжания осенней мухи.

Рыжая челка гостыи упрямо торчала из-под козырька бейсболки. Шея обмотана арафаткой. Загорелые колени проглядывали сквозь прорехи джинсов.

Рывком подтянула к себе стул. Села. Положила ногу на ногу. Вытащила из пачки сигарету, поискав взглядом пепельницу. Не обнаружив ничего подходящего, хмыкнула и чиркнула спичкой об стол. Совсем как взрослая.

Я вовремя успел прикусить язык, благо знал детский кодекс почти наизусть. Нет уж, детка, твои права здесь священны. Делай, что хочешь – презумпция виновности взрослых слишком скользкая тема даже для адвоката.

Сколько же ей лет. Пятнадцать? Шестнадцать? Шумно вздохнув, она пустила несколько колечек дыма в мою сторону.

– Чем могу помочь? – спросил я, наконец.

– Мне эта... адвокат нужен.

– Адвокат? Ну, я адвокат. Слушаю вас внимательно.

– Я эта... прочла в вебе. Ну, про этого, как его там – ну парня, который хотел отсудить миллион долларов у родителя номер один.

– А, да, припоминаю. Статья шестьдесят восьмая. Понуждение ребенка к послушанию посредством оскорбления личности ребенка. И семьдесят первая.

Черт возьми, откуда эта пигалица узнала об этом процессе? Это было одно из самых неудачных моих дел. Парень или точнее сказать мальчик лет десяти обвинил отца в том, что тот несколько раз отвешивал родному чаду подзатыльники. И потребовал, чтобы я предъявил иск на миллион. В таких делах максимум можно отсудить пожизненные алименты с родителя порядка тысячи долларов в месяц. И все! А я как мог отказаться? Лишился бы лицензии. Ну и понеслось дерьмо по трубам. Миллиона я конечно не выиграл, коллеги хихикали и крутили пальцем у виска, однако, папахен отписал сыночку все свое имущество, когда я намекнул ему на другую статью. Ту самую, за которую его в родительском лагере ждали бы очень неприятные последствия. Это было против правил вообще-то. Но как он сам вел себя по отношению к сыну? Не в двадцатом же веке в конце концов живем.

– У вас такие же неприятности с родителями номер один и два?

– У меня? Ха. Да это у него неприятности со всеми. Ну, это отца значит. А номер два давным-давно переуступила эти... права что-ли лиге.

– Лиге сексуальных реформ?

– Ага. Вроде им.

– Так какой иск вы хотите подать? О взыскании морального вреда? Пожизненные алименты?

Девушка усмехнулась.

– Да что с него взять-то? Не, я хочу другое.

Она порылась в карманах и достала мятый листок.

– Во, читай, я специально вырезала из газеты.

Я расправил бумагу: «Грамотно составленный контракт с новой семьей минимизирует практически все риски ребенка. В контракте можно указать сколько денег будет получать ежемесячно ребенок, какое место жительства ему гарантируют родители и прочие вещи. Но главное, что контракт будет заключаться по итогам открытого конкурса или аукциона, который ребенок имеет право провести сам или с помощью ювального юриста...»

– Контракт и проведение торгов по ребенку ввели законом совсем недавно, практика только формируется, – привычно забубнил я, – и я бы рекомендовал ограничиться обычным лишением прав родителя, взысканием компенсации морального вреда. Ну, а лига быстро подберет вам новую семью – хотите гетеро хотите гомо...

– Ну, уж нет. Эта лига нормальную семью разве подгонит? Да и вообще семья это отстой. Ты мне давай дело бери и какие там бумажки нужны скажи.

– Эээ... хорошо. Как вас зовут, простите?

– Ника.

– Ника, мой секретарь тебе все расскажет. Да, кстати, а кто будет платить за ведение дела? Все та же лига?

– Ну а куда ж она денется? – захихикала девушка, – пускай только пикнут – ты им сразу счет кидай, да? У меня полкласса уже по второму разу родителей меняет. Лига все оплачивает. Правда это... все нормальных родителей почему-то никому не достается – даже похуже биологических бывает, вообще кошмар!

– Жуть, – согласился я, – хорошо, договорились. Но просудиться с твоим нынешним родителем вначале нам все же придется, иначе объявить торги ты не сможешь. Поняла?

– Угу.

– Кстати, а чем занимается твой от..., тьфу ты, родитель номер один?

– Он этот, как его там, священник. Знаешь таких?

Мои познания о религии укладывались в пару бородатых анекдотов и в воспоминания о школьных экскурсиях в последний действующий храм. Городские власти не сразу закрыли собор. Вначале рассовали старушек-прихожанок, слишком рьяно навещавших церковные службы, по домам для престарелых и умалишенных. Затем провели для порядка референдум. Само собой горожане единогласно согласились с тем, что музей истории борьбы сексуальных меньшинств за свои права должен быть размещен именно здесь.

И все же власти не пошли до конца – на свободе оставили нескольких священников, но только тех, кто согласился совершать обряды всех мировых религий. Далеко не все пошли на это – некоторые даже пытались судиться. Но их быстро отправили на лечение. А те, кто остались, прошли необходимые курсы и получили лицензии.

Отец Ники был одним из таких священников. Собственно это был последний действующий священник в городе – слишком хлопотно, неприбыльно и опасно было это занятие. К тому же отец Ибрагим категорически отказывался венчать однополые пары ни по какому обряду. Только редкие заказы на обрезание да освящение новых винтокрылов позволяли сводить ему концы с концами.

Я долго звонил в дверь трейлера, щедро расписанного местной молодежью всевозможными ругательствами и рисунками, изображавшими радости плотской любви во всех ее ракурсах.

Дверь, наконец, открылась. На пороге стоял высокий сухощавый мужчина лет пятидесяти с окладистой седой бородкой. Его черные, глубоко посаженные глаза испытующе смотрели на меня.

– Слушаю тебя, сын мой.

Я аж крякнул от подобного нахальства.

– Простите, я вам не сын. Я вообще-то по делу.

Священник всплеснул руками.

– Это вы меня простите – я подумал, что вы пришли ко мне по вопросам веры. Прошу вас, проходите внутрь!

Я прошел в дверной проем и оказался внутри довольно грязноватого вагончика. На стенах висели кресты, иконы, шамаили, изображения языческих божков с множеством рук.

– Итак, какое у вас ко мне дело?

– Вы родитель номер один Ники? Отец Ибрагим?

– Допустим. Господи, что она натворила на этот раз?

Я вытащил из портфеля повестку и протянул ее священнику. Тот, сощуриль глаза, стал читать, шевеля беззвучно губами. Я незаметно включил скрытую камеру в очках, чтобы зафиксировать факт вручения.

– Господи, она же еще ребенок и не понимает, что пишет! А вы юристы и рады нажиться на горе. Разве не так? – вышагивал по вагончику священник.

– В том то и дело, что она ребенок, отец Ибрагим. Поэтому у меня к вам простое предложение – закончить дело полюбовно и разбежаться. Иначе...

– Что иначе? Я люблю свою дочь и не отдам его никому. Уходите!

– Хорошо, я уйду. О дате слушания дела вас известят.

Я встал и направился к двери.

– Послушайте, – услышал я сзади, – постойте, молодой человек!

Я обернулся. Священник близко подошел ко мне.

– У вас есть семья, дети?

– У меня абонемент в свинг-клубе.

– А в Бога вы верите?

– Я верю в Закон.

– Вы знаете, я тоже в ваши годы был атеистом. Да-да, причем радикальным, из тех, кто плясал в храмах и распиливал на части кресты.

Я поставил портфель на пол и выключил камеру в очках. Черт возьми, этот факт мог сыграть в пользу священника в суде как смягчающее вину обстоятельство. А если он раньше еще был геем, то вообще может отбиться от иска.

– Как же вы стали священником после такого?

Старик пригласил меня присесть. Он не сразу ответил.

– Мы с женой были в браке уже десять лет, но все никак не могли завести детей. Три выкидыша. Один ребенок родился мертвым. Мальчик. После всего этого врачи поставили диагноз, что моя жена никогда не сможет стать матерью. Я тогда работал маклером на бирже, неплохо получал и потратил кучу денег на лечение, но все бестолку. И вот однажды я проезжал мимо храма. В тот день был страшный ливень с грозой. Молнии били прямо в асфальт, и я решил переждать стихийное бедствие в стенах храма, куда в детстве меня приводил отец. Едва я отбежал от машины, как раздался страшный звук, и яркая вспышка озарила все кругом. Я оглянулся и увидел, как мой автомобиль вспыхнул от удара молнии.

– Вам, наверное, не выплатили страховку? Такой страховой случай крайне редко компенсируют.

Священник махнул рукой.

– До меня не сразу дошел смысл произошедшего: Я стоял под проливным дождем и смотрел на догорающий кузов машины. Как-будто это случилось не со мной. Спустя какое-то время ко мне подошел священнослужитель и отвел в здание храма. Придя туда, я стал молиться. Это не была молитва в строгом смысле этого слова – просто поток слов и мольбы Господу за то, что остался жив. А в конце я попросил его ниспослать мне ребенка.

Старик замолк.

– Вы хотите сказать, что Ника родилась после того как вы, будучи в нестабильном психофизиологическом состоянии, сходили в храм и вымолили себе дочь у Бога?

– Я хочу сказать, что Господь смиростивился над нами. Врачи долго не могли в это поверить, потому что это было настоящее чудо. А потом я бросил работу и стал читать Коран, Библию и другие священные книги.

– Ваша жена ушла сразу после рождения Ники?

– Нет, она оставила нас, когда Нике исполнился год.

Священник встал и достал с полки фотографию.

– Она была такой милой и доброй девочкой. Но, воистину дороги Бога непредсказуемы.

– Вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, что я не биологический отец Ники.

Я сел в винтокрыл и дал команду автопилоту везти меня домой. Пристегнувшись ремнем, я включил видеофон, чтобы еще раз посмотреть запись разговора со священником.

Запись слегка дрожала, повторяя движения моей головы, но в целом качество было вполне приемлемым для суда присяжных. Я промотал запись вперед до того момента, как старик положил фотографию на стол.

«Зачем вы рассказали мне об этом факте?

– Вы бы все равно узнали из биокарты.

– Ника в курсе?

– Господи, да. Вы же сами прекрасно понимаете, что для нынешних детей это уже не имеет никакого значения. Тем более, если в среднем каждый ребенок меняет родителей до совершеннолетия как минимум два раза.

– А кто же отец Ники?

Старик пожал плечами.

– После того как жена узнала диагноз, то стала много пить, завела сомнительные знакомства. Я стал находить в мусорном ведре использованные шприцы. Потом она стала посещать свинг-вечеринки. Но об этом я узнал гораздо позже. Вначале она сказала мне, что опять ждет ребенка. Это произошло вскоре после того случая с ударом молнии.

– То есть ни вы, ни она не знаете, кто биологический отец?»

Я промотал запись вперед.

«...рождение Ники перевернуло всю мою жизнь. Я просил Господа о чуде и он явил мне свою милость. И только после ее рождения я уверовал.

– Но ведь она не ваша родная дочь. Ваша жена совокуплялась с десятками или сотнями мужчин и женщин.

Священник поморщился как от головной боли.

– Не мне судить ее и не быть мне судимым – она много страдала, в том числе и по моей вине.

– Хорошо. Ваша история удивительна и может выдать пару слез из присяжных. Но, я представляю интересы своего клиента-ребенка и буду до конца отстаивать их в суде.

Старик вздохнул.

– На все воля Всевышнего. Мое любимое вероучение гласит: Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

– Красивая фраза. Но, давайте ближе к делу, святой отец. Итак, вы отказываетесь в досудебном порядке передать родительские права?

– Я не могу.

– Бросьте, миллионы родителей уже сделали такой шаг. Этого конечно можно было избежать, если бы они не нарушали права ребенка.

– Ваши так называемые права ребенка суть порождение дьявола. Ника резко изменила свое отношение ко мне после того, как в школе стали преподавать этот предмет. Это там ей сказали, что отца можно не слушаться и если в семье не покупают все, что ребенок захочет, то семью можно поменять на более богатую. А Ника мечтает одеваться в красивые платья и ездить на дорогой машине.

Камера дрогнула влево-вправо, видимо я от удивления словами священника покачал головой.

– Ну а получение женщинами равных прав с мужчинами в двадцатом веке видимо тоже было порождением дьявола? А получение афропеоидами равных прав с белым?

– Это другое дело.

– Разве? Дети смогли получить равные права со взрослыми после сотен и тысяч лет рабского угнетения. Это я вам как юрист говорю! Если бы вы открыли любой закон, допустим, начала двадцать первого века, то у вас бы волосы дыбом стали от того, насколько бесправны и незащищены были тогда дети. Да что законы – почитайте воспоминания современников того периода. Родитель мог заставить ребенка заниматься музыкой или иностранными языками, одеть его в одежду, которую сам ему выберет. Вам бы понравилось, если бы с вами так поступили сейчас?

– Я не отдам вам Нику»

Я выключил видеофон. Винтокрыл начал снижаться к посадочной площадке на крыше небоскреба, в котором я жил.

Чтож, визит к священнику помог собрать мне массу улик. Дело можно считать практически выигранным. Однако, для полноты картины я должен побывать в школе клиента, уточнить размер гонорара в Лиге сексуальных реформ и найти родителя номер два.

Школа, где училась Ника, располагалась в одном из наиболее неблагополучных районов города. На всякий случай я оставил свой винтокрыл на охраняемой посадочной площадке и решил пройти пешком. Собственно, район внешне был похож на другие, но только количество убийств, грабежей и изнасилований здесь зашкаливало. Впрочем, нам адвокатам грех было жаловаться на это обстоятельство, потому как рост криминала увеличивал поток наших клиентов.

Я выбрал многолюдную улицу, напичканную видеокамерами. До школы оставалось чуть менее ста метров, когда дорогу мне преградил смуглый подросток азиатской внешности. Ковыряясь в зубах спичкой он с ухмылкой смотрел мне в глаза. Я хотел сделать вид, что ничего не заметил и собирался обойти его, но подросток вновь преградил мне путь. Чтож, придется вступить в диалог с этим юношей.

– Молодой человек, я бы хотел... Ай!

Резкий удар носком ботинка по-моей правой голени отбил у меня всякое желание что-либо говорить. Я едва устоял на ногах, закусив губу до крови.

Подросток продолжал ковыряться в зубах, еще более нагло скалясь. Я огляделся по сторонам и увидел чуть в стороне еще пару его сверстников. В руках одного из них что посверкивало. Так, понятно, видеокамера.

– Ну что, козел, бабки сам отдашь или помочь?– парень смачно сплюнул мне под ноги.

– Давайте решим этот вопрос мирным путем, – я, потихоньку прихрамывая, начал пятиться от него в сторону школы.

– Мирным? – ухмыльнулся подросток, – да ты меня избить никак хочешь, а? Вон как кулачки свои сжал. Небось, своего ребенка через день бьешь, да?

– Послушайте, молодой человек, я адвокат и чту Детский кодекс... А, черт!!

Еще один удар ногой по бедру едва не обрушил меня на землю.

– Мы тебе сейчас засунем твой кодекс в одно место, а потом выложим видео в сеть, где все увидят как ты избиваешь бедных маленьких детей, понял?

Я кивнул. Мимо нас быстро проходили люди, старательно не замечая происходящего. Подросток сел на корточки и потянул меня вниз за рукав, заставив присесть рядом.

– Сколько?

Подросток пожал плечами.

– А сколько сам дашь?

– Ну, две сотни долларов хватит?

– Издеваешься?

В этот момент один из стоящих в стороне подросток подбежал к нам.

– Азиз, отпусти его. Это мой, ну, адвокат, – Ника откинула капюшон куртки с головы, – не сильно тебе досталось?

Я облегченно вздохнул и помотал головой.

Азиз скривил губы и прошипел.

– Он нам должен тысячу долларов. Если хочешь, чтобы он ушел тебе придется отработать бабки.

– Ладно, Азиз, ну ты че!

Азиз ухмыльнулся и, шлепнув себя по ляжке, ушел.

Девушка взяла меня под руку и повела в сторону школы.

– Ты это не обижайся на него.

Я хмыкнул.

– Нет проблем.

– Как там папаша – договорился?

– Нет. Он наотрез отказался. Будем судиться.

Ника повисла к меня на руке.

– Ух ты. Меня, наверное, в телевизоре покажут, да?

– Возможно. Дело обещает быть громким.

– А здесь ты че делаешь?

– У меня встреча с твоим куратором – нужно хорошо подготовиться к процессу.

Девушка кивнула и повела меня в кабинет куратора. Я шел за ней и смотрел на ее тонкие щиколотки и упругие ягодичы, выпирающие сквозь ткань черных бриджей.

Ника резко повернула голову назад, заметила мой взгляд и улыбнулась. Я сделал вид, что люблю школьным садом и спросил.

– У тебя кроме Азиза еще есть здесь друзья?

– Полно. Ахмад, Арслан, Саид. Они иногда к моему отцу ходят по пятницам.

– Гмм... это они у твоего отца научились так со взрослыми общаться?

– Не, они отца вообще не слушаются. Только молитву вместе с ним почитают, а как он начнет с ними разговор какой нудный про Бога там или Аллаха так они сразу и отваливают.

– Какое счастье, когда права ребенка находятся под защитой закона, господин адвокат! – ворковала не переставая куратор Ники Анна, – и какое счастье, что наша славная девочка, наконец, получит достойную ее семью!

– Ну, нужно еще дождаться вердикта присяжных, – прихлебывая чай, ответил я, – и все же, давайте вернемся вот к такому вопросу, Анна. Скажите, Ника жаловалась ли вам до этого на своего родителя номер один? Я имею в виду нарушения ее прав.

Анна задумалась на мгновение.

– Ника очень разносторонний ребенок. И очень толерантный.

– Да что вы, – я вспомнил встречу с Азизом, – нельзя ли поподробнее? Это может пригодиться в процессе.

– О, с удовольствием, – Анна поправила прическу, – может еще чаю?

– О, благодарю вас, – я решительно прикрыл чашку рукой, – итак?

– Как-то раз Ника пошла с одноклассниками на экскурсию в городскую библиотеку. Их новый преподаватель плохо ориентировался в нашем городе и они немного заблудились. Так вот по дороге им встретился подросток-афропеоид, пинавший банку кока-колы и находившийся под влиянием некоторых ммм... медикоментозных веществ. Ника предложила преподавателю спросить у афропеоида как пройти в библиотеку, на что учитель сказал ей, что вряд ли этот юноша может указать туда дорогу. Представляете, какой фашист?

Я энергично закивал.

– Ника тут же вызвала по телефону полицию. Учителю повезло, и он отделался всего лишь месяцем исправительных работ и пожизненным лишением права вести образовательную деятельность. Как видите, наши уроки толерантности всегда были на высоте и на окружных олимпиадах наши ученики регулярно занимают первые места!

– А что все-таки насчет родителя номер один?

– Ах да, простите, совсем отвлеклась. Может еще чаю? – Анна приблизила ко мне свое лицо.

– Благодарю. Так вы хотели сказать...

– Ее, так называемый родитель номер один, всегда мне не нравился. Религиозный фанатик! Удивительно, что он до сих пор еще на свободе!

– Власти в последнее время стали снисходительно относиться к верующим. У вас были какие-нибудь претензии к отцу Ибрагиму?

– Конечно, были! Представляете, однажды он заявляется в школу и начинает поздравлять всех детей с каким-то своим непонятным праздником. Мол, кто-то там воскрес. И пытался их поцеловать по три раза. Правда он быстро это дело прекратил после того, как старшеклассницы, прошедшие усиленный курс сексуального поведения показали ему, как нужно целоваться, – Анна захихикала, прикрыв рот рукой.

Я усмехнулся.

– Кстати, вот еще вспомнила, – затараторила Анна, – когда Нике было десять лет, отец Ибрагим пытался запретить посещать ей уроки сексуального поведения. Нет, вы подумайте, какой лицемер! Но мы его быстренько поставили на место, предложив на выбор не мешать посещать уроки или потерять права родителя.

– Благодарю вас, Анна, за сотрудничество, ваша информация весьма пригодится в нашем процессе.

Сигнал видеофона разбудил меня следующим утром. На экране виднелась мордашка Дианы. Я нажал кнопку.

– Привет, подруга.

– Привет, чувачок. Ты один что-ли? – Диана пыталась разглядеть в камеру, нет ли кого в моей постели. Спрашивается, какой ей интерес, если мы переспали когда-то пару раз.

– Один, подруга. Чем обязан?

Диана злобно усмехнулась в экране.

– Врешь ведь, извращенец. Ладно. Тут ко мне обратился за помощью один уважаемый гражданин.

– Неужели? Какой-нибудь завязавший наркот?

– Не, чувачок, круче. Ты тут дело раскручиваешь по девочке. Нике, да?

Я сглотнул и привстал на постели.

– Так вот мой клиент – ее родитель номер один.

– Плохи же твои дела, если ты берешься защищать в таком деле священника.

Диана показала мне средний палец.

– Ты же знаешь, если за дело берусь я, то со мной лучше не связываться – поэтому советую тебе отозвать иск и я обещаю, что не буду сильно скручивать тебе яйца в процессе.

– Мне плевать. Я всегда довожу начатое до конца.

– Ну смотри сам, чувачок. Подумай. Где меня найти сам знаешь.

Экран видефона погас. Я сбросил одеяло на пол.

– Мой господин желает еще? – киберкукла подползла ко мне по кровати, колыхая упругими блестящим грудями и игриво покачивая бедрами. Я взял в руки пульт и выключил RT567.

Да, денек начался поганно. Эта крашенная сучка Диана редко проигрывает и как правило играет очень жестко. И если она взялась за дело по оспариванию лишения родительских прав, да еще где родитель священник – значит не все так просто, как мне показалось с первого раза. Пора мне уже пообщаться с Лигой и насчет аванса и вообще общественной поддержки и пиара.

В дверь позвонили. Кого еще там принесло? Я накинул халат и подошел к экрану камеры наружного наблюдения. На улице стояла Ника.

– Как ты нашла меня?

Ника прошла в комнату и встала у окна. Сегодня она была одета совсем не так как в нашу последнюю встречу: зеленое платье, открывающее плечи и грудь, туфли на высоких шпильках..

– Клевый вид. А что у всех адвокатов такие..., – девушка запнулась подбирая слово, – большие жилища?

– Только у таких как я.

– Ты женат, да?

– Ты что пришла обсуждать мое семейное положение или может все-таки по делу?

Ника подошла к кровати и медленно потянула на себя покрывало, из-под которого торчали ноги киберкуклы. Фотоэлементы RT567 сработали и киберкукла снова активировалась, замурлыкав:

– Мой господин желает еще?

Ника прыснула смехом.

– А я то думала, что у тебя семья нормальная. Ну, жена и дети там.

Я усмехнулся.

– Ты напоминаешь мне своего родителя номер один. Может все-таки ты отзовешь свой иск? Он тебе многое расскажет про брак и прочие семейные ценности.

– Это он тебе сам расскажет. Ты ему кстати понравился.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, мы тут с ним вчера поговорили насчет дела. Он сказал, что виделся с тобой и сожалел, что ты занимаешься ну, всем этим.

– Это еще ни о чем, ни говорит. Скажи лучше – кто ему нанял адвоката?

Ника пожала плечами.

– Наверное, ему положен бесплатный адвокат.

– Бесплатное место на кладбище ему полагается. А такой дорогой адвокат как Диана работает только за очень большие деньги, уж поверь я –то знаю. Ты можешь узнать, кто ему помогает?

Девушка ничего не ответила и снова подошла к окну, любуясь видом на центральный городской парк.

– Я должен отработать с тобой ответы на каверзные вопросы. Ты можешь прийти завтра в мой офис?

Ника продолжала молчать и как будто искала что-то взглядом снаружи. Я подошел ближе.

– Кстати, а почему ты не в школе?

– А я сказала, что у меня встреча с адвокатом.

– Ах вот как. Ну ка давай марш на уроки.

Девушка быстро развернулась и посмотрела мне в глаза. Затем положила мне руки на плечи и поцеловала в губы долгим протяжным поцелуем. Краем глаза я заметил, что ее зеленое платье бесшумно слетело на пол. Ника прижалась спиной к стеклу, притянув меня к себе. В этот момент я опомнился и с трудом оторвался от губ девушки.

– Так нельзя. Уходи.

Девушка закрыла лицо руками, затем схватила в охапку платье и выбежала в дверь.

– С чего это вы вдруг просите повышенный гонорар, господин адвокат? – председатель местного отделения Лиги сексуальных реформ громко барабанил толстыми волосатыми пальцами по столу. – Дело-то стандартное и гонорар здесь положен стан-дарт-ный. Вы же сами говорите, что все доказательства против родителя номер один Ники. Я бы сам пошел в суд, да врачи запрещают мне волноваться. А я буду очень сильно волноваться, когда увижу этого святого отца, да! Бедная девочка, как она могла столько лет терпеть все это. Ну, ничего, у меня есть на примере прекрасная пара родителей – Петр и Карл.

– Дело было стандартным до того момента, пока у священника не обнаружился адвокат. Адвокат, который прекрасно знает все тонкости ювенальных судов, и который не проиграл практически ни одного дела, – я старался не повышать голос, – это будет не простая формальность, а серьезный процесс, который будет освещаться в прессе.

Председатель снял очки и стал протирать их полкой пиджака.

Я продолжил.

– Мне нужно будет серьезно подготовиться к суду. Я также планирую съездить к родителю номер два Ники.

– Хорошо. Напишите необходимую сумму на заявке и отнесите секретарю, – председатель устало откинулся в кресле, – у нас есть бюджет для таких случаев.

Я кивнул и уже встал, собираясь уйти, как председатель жестом остановил меня.

– Мы давно сотрудничаем с вами и всегда оставались довольны вашей работой. Пожалуй, вы правы, дело будет громкое. Пусть оно и кажется на первый взгляд самым тривиальным. Однако, нам придется здесь дать бой священнику. Вы ведь понимаете о чем я.

Я часто закивал головой и присел обратно.

– Важно не просто забрать ребенка. Важно показать, что у таких как *они* детей в принципе быть не должно. И их самих давным-давно уже быть не должно. Подумать только – середина двадцать первого века, а все еще находятся кто-то, кто верит в эти сказочки для сумасшедших. Да-да. И, поговаривают, будто такие люди есть даже там, – председатель показал взглядом на потолок.

– Сделаю все возможное, чтобы Ника обрела счастье.

– Идите, – председатель махнул рукой, – жду от вас хороших новостей.

– Госпожа Ольга?

– Нет, я ее супруга. Проходите, – женщина с засалившимися волосами в грязноватом халате открыла мне дверь и впустила в убогую хибару. Я вошел в дом и поморщился от затхлого запаха старого тряпья и сладковатого аромата марихуаны.

В кресле напротив сидела родитель номер два Ники. Она неподвижно смотрела в экран телевизора застывшим стеклянным взглядом. В руке у женщины дымился косяк. Одета Ольга была также в поношенный халат. Глубокие мешки под ее глазами были заметны даже в полумраке комнаты.

– Она в норме. Сейчас придет в себя, – хмуро бросила супруга Ольги. – А вы кто, налоговый инспектор?

– Я адвокат. Мне нужно поговорить с Ольгой наедине.

– Кто адвокат? Полиция пришла? Мне нужно зачитать мои права! – вскинулась вдруг Ольга, вертя во все стороны головой.

– Тише-тише, милая, – успокоила Ольгу ее подруга, – он не из полиции. Он адвокат, пришел к тебе. Я вас оставлю ненадолго, схожу за джином в лавку.

Я благодарно кивнул и подсел поближе.

– Итак, госпожа Ольга. Я адвокат вашей биологической дочери Ники, веду ее дело по иску о передаче ребенка в надлежащую семью.

Женщина затянулась косяком и протянула мне.

– Будешь?

– Спасибо, нет. Итак, продолжим. Вы отказались от прав на дочь через год после ее рождения в пользу Лиги сексуальных реформ. Вы не могли бы подписать письменное заявление о том, что...

– А ведь я тебя знаю.

– Простите?

– Неужели забыл? – женщина зло усмехнулась и придвинулась ко мне, дыша в лицо запахом перегара. – Свинг-вечеринка в зоопарке. Тогда они только входили в моду.

Я взгляделся в лицо Ольги. Что-то смутное знакомое виделось мне в чертах ее лица, но как я ни старался я не мог ее узнать.

– Ты был тогда совсем молодым.

– Извините, вы меня с кем-то путаете.

– Да не путаю я тебя ни с кем, козел, – Ольга затянулась косяком и закашлялась, – я всех вас помню до одного. И тебя тоже помню.

– Давайте лучше поговорим о вашем муже и браке с ним. Ваш бывший супруг утверждает, что не является биологическим отцом ребенка. Это правда?

Ольга потушила косяк о ручку кресла.

– Вроде как да.

– Вы не могли бы подписать заявление...

– Сколько?

– Простите?

– Я говорю сколько дашь денег за то, чтобы я тебе подписала твои бумажки.

Я огляделся по углам – антирадар не пищал, значит камер тут нет.

– Триста долларов.

– Пятьсот.

Я вздохнул и сказал.

– По рукам.

После того как деньги перекочевала в карман Ольги та быстро подписала заявление о фактах нарушения прав ребенка родителем номер один. Я захлопнул чемодан и уже собирался уходить, когда Ольга поманила меня пальцем. Я подался вперед, стараясь дышать ртом.

– А ты знаешь, что Ника родилась как раз аккурат через девять месяцев после той зоо-вечеринки?

Я не помню как сел в винтокрыл и включил автопилот. Я держал перед собой цифровое фото Ники из досье и тупо смотрел на него. Рыжим я не был. Хотя цвет глаз серый как у меня. Сами глаза... глаза такие же как у матери. Что еще? Нет, не похожа на меня ни капельки. Да и вообще не спутала ли меня с кем-то другим эта укуренная лесбиянка?

Ту вечеринку в зоопарке я припоминаю фрагментами. Когда после очередного прихода я открывал глаза то обнаруживал себя под голым женским телом, совершающим характерные движения и издающим подобающие сему занятию звуки. Но эту дамочку я не могу вспомнить. То есть, я не помню ее лица. Нет, не может быть. Хотя, что гадать – нужно срочно сдать ДНК-тест и сравнить с ДНК Ники. Я нашел на навигаторе адрес ближайшей ДНК-лаборатории и направил винтокрыл в ее сторону.

Диана вбежала в мой офис как обычно, без приглашения, промелькнула мимо секретарши и с разбега плюхнулась на стул, чуть не забрызгав себя кофе из кофейни, который при-тащила с собой

– Привет!

– Привет!

– Завтра предварительное слушание и отбор присяжных.

– Я в курсе.

– Не хотела бы тебя огорчать, но, так и быть по старой дружбе скажу.

Я хмыкнул.

– Валяй.

– Тебе ждет один неприятный сюрприз.

– То есть?

– Я не буду тебе говорить в чем дело. Иначе это не будет сюрприз, ха-ха. Скажу только, что тебе пора начинать набрасывать проект мирового соглашения.

Я привстал из-за стола и опершись руками посмотрел сверху вниз на Диану. Ее маленькие груди как всегда выглядели безупречно.

– Ладно, хватит блефовать. Лучше скажи, кто тебя нанял?

Диана усмехнулась

– Скоро узнаешь, чувачок. И, кстати, как насчет того, чтобы потрянуть стариной и оттянуться? Я знаю один неплохой загородной отель у озера.

Диана взяла меня за кончик галстука и потянула к себе. Я выдернул свой галстук из ее рук.

– Вот как, – брови Дианы удивленно изогнулись, – ты случайно не стал эээ... сторонником однополрой любви? Или может ты уже всю трахаешь свою юную клиентку?

Я нажал кнопку звонка.

– Жанна, проводите, пожалуйста, до выхода нашу гостью.

– Да, конечно. Тем более, что у нас тут еще посетители. Думаю, вам стоит их принять.

Диана встала.

– Чтож, тогда до завтра.

Я молча кивнул и махнул рукой в сторону двери. Через минуту я нажал кнопку.

– Жанна, кто там пришел?

– Журналист с федерального телеканала и его оператор. Хотят взять интервью у вас по завтрашнему слушанию.

– Хорошо, пригласите их.

Дверь открылась и в кабинет вошли двое мужчин. Один нес камеру, другой, в короткой стрижке бобриком и очках быстро пожал мне руку.

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов по иску Ники к родителю номер один. Вы, не против, я надеюсь?

– О, конечно нет. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

– Окей, тогда сразу же приступим.

– Скажите, пожалуйста, вы давно ведете такие дела и как часто добивались удовлетворения исков детей к родителям?

– Я практикую уже более эээ...ну почти десять лет. Из них большую часть я выступаю адвокатом в ювенильных судах. И, как правило, почти все дела выигрываю.

– Чего вы хотите добиться в суде? Не кажется ли вам, что разлучать родителя номер один с дочерью слишком жестоко?

– Моя клиентка хочет добиться передачи родительских прав к Лиге сексуальных реформ. И у нее есть на это полное право, защищенное законом. Напомню, что статья третья Детского кодекса гласит: «Каждый ребенок имеет право информировать о любом нарушении его прав родителями и требовать через суд передачу родительских прав к надлежащим компетентным родителям или специализированным организациям, защищающим равенство прав детей и взрослых». Ника хочет вначале, чтобы ее взяла под свое крыло Лига. А потом мы планируем воспользоваться новеллами в законодательстве и провести конкурс среди компетентных родителей на право заключить контракт с девочкой на ее воспитание до достижения совершеннолетия.

– Как отразился на психике девочки тот факт, что ее родитель номер один священник? Я развел руками.

– Пока трудно судить, точно могут сказать эксперты-психологи, которых мы обязательно привлечем к участию в процессе. Но уже сейчас я могу заявить, что Ника нуждается в том, чтобы ее срочно изъяли из дома, где она живет со своим родителем. Когда я читал ее электронный паспорт ребенка, где она ежедневно информирует школу о порядках, царящих в семье, то у меня волосы дыбом встали. А уж рапорты службы ювенальных приставов, приходивших с проверками к ним домой еженедельно это вообще кошмар!

– О, нельзя ли поподробнее? Нашу передачу смотрят миллионы сограждан и будет лучше, если они узнают, как подобает себя вести компетентным родителям.

– Пожалуйста. Начнем с того, что в холодильнике были обнаружены просроченные сырки и молоко. Далее. Отец Ибрагим постоянно запрещал Нике реализовывать ее право на половую свободу в общении со сверстниками и сверстницами. Он понуждал ее посещать занятия по музыке и бальным танцам не получив на это ее надлежащим образом оформленного согласия. Также он понуждал ее читать так называемые священные книги, тяжело травмируя хрупкую психику ребенка и нарушая тем самым ее право на свободу выбора модели поведения. И так далее и так далее. Я мог бы еще долго перечислять, но... оставим эти подробности для суда.

– Конечно, господин адвокат. Большое вам спасибо!

Журналист подал знак оператору и тот выключил камеру.

-Встать, суд идет!

Судья важно прошел на возвышение, шурша алой мантией, оглядел поверх очков зал, полный зевак и журналистов, и сел.

– Прошу садиться.

Зал с шумом выдохнул. Я посмотрел в сторону ответчика. Отец Ибрагим мял в руках бумагу, испещренную записями. Он мягко улыбнулся девочке. Ника отвела взгляд.

Диана зло очерившись показала мне неприличный жест, так, чтобы никто кроме меня не видел и, как ни в чем ни бывало, преданно уставилась на судью.

– Адвокат истца, встаньте! Вы продолжаете поддерживать заявленный иск? Или, возможно, готовы прекратить слушание дела за примирением сторон?

Я поднялся, поправил галстук и ответил.

–Ваша честь, истица поддерживает иск. Мы просим передать родительские права истицы компетентным родителям, назначенным судом из числа пар, рекомендованных Лигой сексуальных реформ. Мы считаем, что дальнейшее пребывание истицы у родителя номер один нарушает ее право на компетентное детство. Кроме того...

Судья жестом остановил меня.

– Ваша позиция понятна, господин адвокат. Адвокат ответчика?

Диана встала.

– Ваша честь, ответчик не признает иска и считает, что обладает навыками, необходимыми для реализации права истицы на компетентное детство.

Судья кивнул.

– Хорошо. Слушание дела начнем ммм... допустим послезавтра. А сейчас я предлагаю сторонам отобрать присяжных. Прошу вас, господин адвокат!

Я вышел вперед и подал знак приставу вызвать первого кандидата в присяжные.

В зал вошел длинноволосый молодой человек в майке и в кожаных штанах. Его руки и шея были испещрены цветными татуировками. Принеся присягу на конвенции объединенных наций он занял свое место на скамье допроса свидетелей. Я взял в руки его досье и подошел поближе. Так, двадцать девять лет, состоит в браке, двое детей. Работает автомехаником. Ага, три предупреждения ювенальной службы за оставление детей без присмотра, результаты ежеквартального тестирования на компетентное родительство удовлетворительные. Похоже, парень, сегодня не твой день.

– Прошу вас изложить права ребенка, указанные в статье первой и третьей Детского кодекса.

– Эээ... каждый ребенок имеет равные права со взрослыми определять модель своего поведения в обществе и семье. Также ребенок имеет право на компетентное детство, включая право самому определять свое отношение к эээ...

Парень почесал в затылке.

– Продолжайте.

– А также ребенок имеет право требовать прекращения родительских прав в случае, если родители нарушают его право на компетентное детство.

– Скажите, что вы понимаете под компетентным детством?

– Это когда у ребенка есть все условия, игрушки, своя комната, еды достаточно, родители не обижают.

– И все?

– Вроде как да.

– А право на сексуальное просвещение?

Парень нахмурился.

– Ну, когда ребенок подрастет мы расскажем ему откуда берутся дети.

Я торжествующе посмотрел в зал и спросил.

– А как же право на полную информацию о различных видах половых отношений? Вашему старшему ребенку сколько лет?

– Девять.

– Вы уже ознакомили его с...

Парень вскочил.

– Я не обязан в таком возрасте давать смотреть ему... такие фильмы! Наш куратор подтвердил, что родители имеют право до двенадцати лет не знакомить своих детей с такой информацией!

Я усмехнулся и посмотрел в сторону Дианы – она пролистывала страницы досье кандидатов, насупив брови.

– Ваша честь, я прошу отвести данного кандидата из списка.

– Ходатайство, удовлетворено! Следующий?

– Да, ваша честь!

Пристав подвел к трибуне свидетелей очередного кандидата. Это была полная женщина лет за пятьдесят, обвешанная дешевой бижутерией с ярко накрашенными губами. В ее досье было указано, что она состоит в однополном браке уже двадцать лет. Домохозяйка. Ее супруга работала школьным гинекологом. Воспитывают приемного ребенка. Мальчику семнадцать лет. Состоит на учете в наркокомитете.

– Сколько лет ваш ребенок употребляет вещества, изменяющие психику?

Женщина стала загибать пальцы.

– Около трех лет, точно не скажу.

– Как скоро вы проинформировали его о негативных последствиях употребления этих препаратов?

– Как только узнала. Я сразу сказала ему, что чрезмерное употребление наркотиков может причинить вред его здоровью и попросила использовать только одноразовые шприцы!

– Благодарю вас! Ваша честь – прошу внести данного кандидата в список присяжных!

Я отобрал еще нескольких кандидатов, после чего пришла очередь Дианы провести отбор такого же количества присяжных заседателей.

Диана заняла мое место и попросила пригласить следующего кандидата. В зал вошел пожилой мужчина, опирающийся на трость. Проковыляв к свидетельскому месту он начал отвечать на вопросы Дианы.

– Скажите, ваши дети уже взрослые?

– Да, им уже много лет, у них самих совсем большие дети. У меня два сына и одна дочь, шесть внуков.

– Ваши дети не состоят в однополых браках?

Старик возмущенно фыркнул.

– Они нормальные люди, черт возьми.

Зал возмущенно загудел. Диана продолжила опрос.

– А на занятия по сексуальному разнообразию ваши внуки ходят?

– Все мои дети воспользовались правом замены этих занятий на другие, пока им не исполнилось двенадцать лет.

– Благодарю вас, вы свободны. Ваша честь, данный кандидат подходит к работе в жюри! Следующий!

Отбор кандидатов в жюри у Дианы продвигали сегодня туго. Большинство кандидатов она отводила – слишком явно стремились показать свою лояльность требованиям детского кодекса.

Очередным кандидатом в жюри оказался молодой рыжеволосый мужчина с бегающими глазами. Я пролистал его досье. Ого, десять предупреждений полиции за понуждение к сексуальным отношениям несовершеннолетних без уведомления куратора. Так, ну такому Диана сразу заявит отвод.

Диана вышла вперед.

– Вы не меняли родителей до достижения совершеннолетия, это был ваш свободный выбор?

– Да.

– Да, в смысле вы любили своих биологических родителей?

Мужчина на минуту замялся с ответом.

– Я заключил с ними контракт о надлежащем содержании.

Диана кивнула.

– Ваша честь, я закончила отбор!

Странно, этот кандидат будет гарантировано голосовать в нашу пользу, а она его включает в число присяжных. Видно совсем дела плохи с кандидатами. Я злорадно усмехнулся и представил с каким выражением лица Диана выслушает вердикт жюри.

– Итак, представь себе, что ты в суде на допросе. Ты слушаешь меня? – я шагнул по кабинету из угла в угол, изредка поглядывая в сторону Ники.

Девушка забралась в кресло с ногами и листала какой-то женский журнал. Я уставился на Нику, а потом на свое отражение в стенном зеркале. На мгновение мне показалось, что мы похожи как брат и сестра.

– Эй, ты с нами?

Ника кивнула и достала сигарету. Я посмотрел в сторону Жанны, которая сидела в углу и стенографировала.

– Итак, вопрос. Ваш родитель номер один пытался без вашего согласия принудить вас исповедовать религиозный культ?

– Ну, пытался. Книжки там всякие читал. Слова какие-то чудные произносил.

– Ты, пойми. Тебя будет допрашивать после меня адвокат, который таких как ты за пару минут раскалывает.

Девушка пожала плечами. Я продолжил.

– Ты должна ответить, что твой отец каждый день заставлял тебя молиться, читать священные книги и соблюдать заповеди. Запомнила?

– Вроде да.

– Ладно. Дальше пошли. Я тебе спрошу – принуждал ли тебя отец убираться дома, мыть посуду, полы. Что ты должна ответить?

– Ну, да, просил меня прибрать свою комнату, выкинуть мусор.

Я вздохнул.

– Не так. Надо сказать – каждый день заставлял убираться, а не просил! Поняла?

– Ну, поняла.

– Ладно, на сегодня уже хватит. Жанна, проводите клиентку.

Секретарша выключила машинку для стенографии и пригласила девушку к выходу. Ника покачала головой.

– Господин адвокат, мне нужно сказать вам кое-чего.

Я смерил девицу взглядом.

– Жанна, оставь нас.

Секретарша обиженно хмыкнула и вышла.

– Я извиняюсь.

– За что?

– Ну, за тот раз. Я, правда, думала...

– Не надо. Лучше вот что сделай. На углу улицы есть лаборатория по ДНК-тестированию – нужно найти твоего биологического отца. Тест займет у тебя пару минут. Счет оплатит Лига. Сделаешь?

Ника кивнула.

– Ну, иди. Тест отдашь мне завтра перед судом.

– Адвокаты сторон, прошу подойти ко мне!

Я вытер пот со лба и быстрым шагом подбежал к судейской кафедре. Рядом со мной тут же встала Диана, как – будто нечаянно касаясь меня своей грудью.

Судья придвинулся к нам и негромко сказал.

– Господа адвокаты, пора бы уже закругляться. Я хочу успеть до обеда рассмотреть дело. Вы уже, по-моему, представили все доказательства и свидетелей. Так?

Я посмотрел на Диану. Та слегка изогнула спину и приблизила свое декольте поближе к судье.

– Ваша честь, да, нам пора переходить к судебным прениям. Но мой клиент хочет сделать одно важное заявление.

Судья нахмурился.

– Только быстро.

– О, ваша честь, уверяю вас, это не займет много времени, – Диана с ехидцей покосилась в мою сторону.

Мы разошлись по свои углам.

Сегодняшнее слушание уже успело порядком утомить обе стороны, судью, жюри и полсотни зевак в зале. Стандартный процесс по лишению родительских прав обычно занимал не более получаса и был скорее формальностью, чем полноценным судебным заседанием. Слишком очевидным и предсказуемым был итог.

Однако, сегодня слушание шло уже пятый час подряд, перемежаясь перекрестными допросами свидетелей и перепалками адвокатов.

Положение ответчика между тем складывалось все хуже и хуже, судя по взглядам присяжных, которыми они награждали отца Ибрагима по мере изучения улик. Казалось, еще немного и все они перескочат через ограждение и начнут душить священника. Ну, пожалуй, что и не все: парочка заседателей была явно на стороне ответчика.

Я перевел дух и быстро взглянул на Нику. Она сосредоточенно красила ногти лаком вишневого цвета и, казалось, сидела здесь совершенно случайно. Я засунул руку в карман и нащупал свой ДНК-тест. Я получил его еще вчера, но так и не ознакомился с результатом.

Тем временем к свидетельскому месту вышел священник, достал очки и положил перед собой лист бумаги. Отец Ибрагим беззвучно шевелил губами, опустив глаза, затем перекрестился.

Судья нетерпеливо спросил:

– Ответчик, мы слушаем вас.

Отец Ибрагим кашлянул и начал, запинаясь, читать.

– Уважаемый председатель, уважаемые присяжные! В целях соблюдения требований закона в отношении равенства прав не только родителя и ребенка, но и иных прав, я хочу сделать следующее заявление. Данный процесс в отношении передачи моих прав родителя в целях соблюдения прав ребенка на компетентное детство не может быть рассмотрен в этом суде. Я прошу прекратить слушание дела.

Зал удивленно загудел, журналисты вытянули микрофоны в сторону священника. Я чуть не вскочил заявить протест, но судья опередил меня возмущенным окриком.

– Ответчик, вы понимаете что несете? Какое прекращение дела?

Отец Ибрагим снова кашлянул и продолжил.

– Данное дело не может слушаться сегодня потому, что я ...

Священник замолчал и посмотрел в сторону Дианы. Та отчаянно шипела ему что-то и махала рукой.

– ... я вступал в ...половые отношения с истицей с ее согласия в течении нескольких лет до настоящего процесса. В связи с этим прошу.... слушание дела прекратить и передать его в суд по защите сексуальных прав.

Зал взревел. Я вскочил.

– Протестую! Данное заявление надумано! Прошу допросить истицу – никаких половых отношений между ней и родителем номер один не было! Это уловка, чтобы затянуть процесс!

Я взглянул на Нику. Ее лицо стало пунцовым.

– Папа, ты что! Я же ни с кем, даже..

Судья поманил нас пальцем. Мы подбежали с Дианой к его кафедре.

Судья почти перегнулся через стол к нам и зашипел.

– Адвокат ответчика. Это что еще за балаган? Почему вы сразу не сделали заявление?

Диана пожалала плечами.

– Ответчик долго не мог решиться сделать заявление. Это его право.

Судья вздохнул.

– Адвокат истицы, к сожалению, я вынужден прекратить дело в связи с заявлением ответчика и передать его в суд по защите сексуальных прав.

– Но, ваша честь, вы же прекрасно видите, что это заявление на самом деле злоупотребление правом и наглая ложь! Истица отрицает факт половых отношений!

Судья усмехнулся и развел руками.

– Это будет устанавливать уже другой суд.

Отчаянная мысль пришла мне в голову и я буквально прокричал

– Я прошу объявить перерыв пятнадцать минут!

– Зачем? – спросил судья.

– Я хочу представить доказательства лжи ответчика!

– Хорошо, – устало сказал судья и стукнул молотком, – объявляется перерыв.

Я не сразу нашел то, что искал. Городская библиотека находилась в том же здании, что и суд, но уже давно не работала. Я с трудом уговорил пристава пустить меня внутрь. Войдя в помещение, я сразу бросился к электронному каталогу, но он был отключен. Стукнув кулаком по стене, я метнулся к запыленным книжным полкам. Наконец я увидел заветные золоченные корешки – это было именно то, что надо. Схватив несколько книг, я помчался в зал заседаний.

Судебный пристав вызвал судью и процесс продолжился. После первого удара молотка я встал.

– Ваша честь, у представителей истицы есть ходатайство.

Судья буркнул.

– Огласите, пожалуйста, его поскорее.

Я набрал в легкие воздух и начал.

– Согласно процессуальному кодексу лица, свидетельствующие в суде, обязаны говорить правду под угрозой уголовного наказания.

– Ближе к делу.

– В статье второй того же кодекса оговорено, что ранее принятые кодексы также могут применяться.

– К чему вы клоните, господин адвокат?

– Ваша честь, прошу меня дослушать! Итак, в предыдущей редакции кодекса указывалось на то, что граждане, придерживающиеся определенных мировоззрений, приносят присягу на священной книге своей религии. Эта норма не была отменена и я прошу вас обязать ответчика поклясться, что он говорит правду!

Я подхватил все священные книги, что я смог найти в библиотеке и положил их у места свидетеля. Я позволил себе кинуть победоносный взгляд на Диану и ее клиента.

Судья почесал в затылке.

– Да, я помню это правило. И, действительно, норма действует. Приводите ответчика к присяге.

Отец Ибрагим, моргая глазами, посмотрел на меня. Диана что-то старательно печатала в видеофоне или делал вид, что печатает.

Пристав разложил перед отцом Ибрагимом несколько книг и отошел на несколько шагов в сторону.

– Ответчик, клянетесь ли вы говорить правду и только правду и ничего кроме правды?

– Клянусь, – тихо сказал священник.

– Не слышу! – рявкнул судья.

– Клянусь!

Я медленно опустился на стул и закрыл глаза рукой.

– Ответчик, вы подтверждаете, что ваше заявление правда?

– Я... Да, подтверждаю.

Судья кашлянул.

– Если это все, то я хочу огласить свое определение. Итак...

Я снова вскочил.

– Ваша честь, я хочу также сделать заявление.

Судья кивнул.

– Ваша честь, ответчик солгал и оклеветал свою дочь. Я прошу ознакомиться с содержанием биокарты истицы, раздел детской гинекологии. Там сказано, что истица – девственница! Кроме того, в ежедневном дневнике мониторинга поведения родителей, который вела Ника, в разделе сексуальные отношения с близкими родственниками ни указаны подобные сведения!

В зале загудели зрители, часть из которых стала фотографировать Нику.

– Достаточно, адвокат, – судья стукнул молотком по столу, обитому зеленым сукном, – слушание дела объявляется прекращенным ввиду подсудности ответчика суду по сексуальным правам детей. Все свободны. Кроме истицы.

– Прошу вас следовать за мной, – тетка в униформе ювенальной службы с каменным лицом привычно смотрела куда-то в сторону, а не в лицо Нике.

Девушка испуганно вертела головой.

– Мы же выиграли дело! Чего вы от нас ходите?

– Да, действительно, – я поискал взглядом судью, но того как ветром сдуло, едва зал заполнили сотрудники ювенальной службы в серой форме мышинного цвета. – По факту получения судебного решения мы планировали перевести вещи Ники в другое место. Чтобы она жила отдельно. А потом заключили бы контракт на содержание с новой семьей.

– Согласно установленному порядку мы обязаны немедленно изымать детей, чьих родителей лишили родительских прав и размещать их в наших домах Лиги сексуальных реформ под присмотром воспитателей.

Я похолодел. Действительно, я забыл об этом правиле и сейчас Ника должна была подчиниться. Отойдя чуть в сторону, я огляделся. Все входы были перекрыты, а на руки Ники уже надели наручники и повели к выходу.

– Куда вы хотите ее увезти?

Тетка хмыкнула.

– Не положено информировать до передачи в новую компетентную семью. Эй, ребята – берите девчонку и айда.

Приставы подхватили под руки Нику и едва ли не волоком потащили ее в грузовой винтокрыл.

Ко мне подошла Диана.

– Ну что, чувачок, похоже ты действительно не трахнул девочку.

Я отмахнулся.

– Отстань, не до тебя.

– А зря, чувачок. То, что я знаю могло бы тебе пригодиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь куда повезут сейчас твою подружку? К твоему любимому заказчику – председателю городского отделения Лиги. Они давно ждали такую... неопытную. Она же на вес золота буквально. Сейчас же срок сексуального воспитания начинается с рождения ребенка, а тут прямо у них под носом такой редкостный экземпляр. Непорочная дева.

– Зачем она им нужна?

– Как зачем? Для сексуального воспитания и разнообразия. Я ведь хотела как лучше. Я, правда, не знала, что она еще...

– Кто тебе заплатил за ведение дела?

– Никто. Я же выросла в том районе. А отец Ибрагим крестил меня.

Диана достала из кармана маленький серебряный крестик и поцеловала его.

– *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti*. Это я придумала ход с признанием в педофилии – мы бы выиграли время и развалили в итоге дело.

Я покачал головой. Оглядевшись я увидел в зале стайку смугловатых подростков с Азизом. Они что-то оживленно обсуждали с отцом Ибрагимом. Я направился с Дианой в их сторону.

– Послушай, – начал я.

Азиз сплюнул на пол.

– Отвали.

Дружки Азиза недобро посмотрели на меня.

Отец Ибрагим положил руку на плечо Азиза.

– Не надо так. Мы с Дианой обжалуем действия ювеналов. Так ведь, Диана?

Диана вздохнула.

– Падре, простите меня. Боюсь мы напортачили. Я строила вашу защиту думая, что Ника давно уже... ну вы меня понимаете. И в биокарту в ту графу я даже и глядеть не стала – думал на ней проб негде ставить. Тем более, что она общается вот с этими, – Диана кивнула в сторону подростков.

– Что это значит? – встревожился отец Ибрагим.

– Ее повезли к Председателю Лиги. К нему сразу увозят всех изъятых детей, которые еще... не были ни с кем. А потом они бесследно исчезают. Мне об этом мои знакомые полицейские рассказывали.

– Но ведь они же борются за права детей! Они же их должны защищать. – отец Ибрагим тяжело задышал.

– Ибрагим-хазретлери, – Азиз нетерпеливо взял священника за локоть, – я знаю этих шакалов из Лиги. Мои ребята разберутся с ними, Иншаала.

Азиз бросил ключи от винтокрыла одному из подростков.

– Я поеду с тобой, – сказал я.

Азиз усмехнулся.

– Ты хоть дрался когда-нибудь?

– Я смогу помочь пробраться внутрь – Председатель меня знает.

– О, это другое дело, – Азиз хлопнул меня по плечу, – показывай дорогу, адвокат. Ибрагима-хазретлери бери с собой. Погнали, братья. Аллах акбар!

– Аллах акбар! Аллах акбар! – выкрикнули подростки.

Наши винтокрылы неслись над городом на предельной разрешенной скорости. Я вел машину на ручном режиме, включив аварийные огни. До здания Лиги было еще около десяти минут лета. Винтокрыл Азиза еле поспевал за нами – слишком много подростков залезло в его машину.

– Адвокат! – прокричал сквозь шум мотора священник – вы все еще верите в закон?

Я нажал на рычаги, прибавив скорости винтокрылу. Пока мы летели стало темнеть. Над городом ступились тучи и стали посверкивать молнии. Видимость упала. Из тумана передо мной выросло здание небоскреба и я резко бросил машину влево.

– Отец Ибрагим, я не знаю!

– Вы помните какие-нибудь молитвы?

– Ни одной!

– Я хочу, чтобы мы вместе помолились!

Я резко бросил винтокрыл вправо, обогнув линию электропередач.

– Валяйте!

– Повторяйте за мной! – голос священника продирался сквозь рев моторов, – отче наш, сущий на небесах... да святится имя... да будет воля... и на земле... хлеб наш насущный дай... и прости нам долги наши... и не введи нас в искушение... ибо твое есть царство... аминь!

– Аминь! – повторил я за священником, вжимая рычаги почти в пол.

Отец Ибрагим продолжил.

– Во имя... милостивого... хвала господу миров, милостивому... тебе одному мы... веди нас прямым путем, путем тех, кого... не заблудших... аминь!

– Аминь! – снова повторил я и начал идти на снижение.

Наш винтокрыл приземлился первым. Выпрыгнув на землю, я осмотрелся: у здания было полно других машин. Обычно вечером здесь никого нет. С другой стороны это помогло нам остаться почти незамеченными.

Через несколько минут рядом приземлился винтокрыл Азиза. Подростки бесшумными тенями выскочили из машины наружу и побежали в темноте к зданию.

Азиз подбежал к нам. В руке у него был кривой нож.

– Ну что, адвокат, мы готовы.

– Я тоже.

– Возьми вот это – может пригодится, – Азиз протянул мне пистолет, – справишься?

– Я пойду один, – я осторожно взял в руки оружие и прикинул на вес в руке.

– Как скажешь, брат, – Азиз подал знак подросткам и они стали перебегать ближе к выходу.

Заткнув пистолет за пояс, я пошел к зданию по совещенному пустырю. Глазок видеокамеры повернулся в мою сторону. Я помахал ему рукой и позвонил в дверь.

– Кто? – рявкнул динамик.

– Я адвокат девочки, которую сюда привезли. Мне к председателю за гонораром!

– Подождите здесь, я уточню!

Через минут замок щелкнул, и дверь отъехала в сторону.

Я вошел внутрь помещения. За стойкой сидел охранник – темноволосый мужчина с ярко накрашенными губами и подведенными глазами. Он перегнулся через стойку и приторно улыбнулся.

– А мы с вами нигде раньше не встречались? – охранник положил свою руку на мою. Я стиснул зубы и улыбнулся в ответ, доставая из-за спины ствол.

– Может быть, вы были моим клиентом? Я часто веду бракоразводные процессы среди однополых пар.

– Ах, ну что вы. Я замужем за мужчиной моей мечты! А скоро нам дадут на воспитание мальчика из...

Я выхватил пистолет и ударил со всей силы по лицу охранника. Удар пришелся тому в висок и мужчина медленно осел вдоль стены. Я обошел стойку и нажатием кнопки открыл дверь.

В здание порвались один за другим подростки. В руках они были ножи и металлические прутья. Последним вбежал Азиз.

– Куда дальше, адвокат?

Я прислушался.

– Туда!

Мы побежали по длинному коридору, ведущему в спортзал. Подбежав к двери, я осторожно ее приоткрыл. В зале было несколько десятков человек – обнаженных мужчин и женщин. На первый взгляд это было похоже на обычную вечеринку свинг-клуба. Однако, приглядевшись получше я увидел, что все люди в зале были одеты в красные маски. Они радостно подбадривали стоящего в центре зала полного вислозатого мужчину, стоящего ко мне спиной.

Я открыл дверь пошире. Толстяк отошел в сторону и подал знак рукой. Толпа на мгновение расступилась и я увидел Нику. Она была раздета и привязана к большому деревянному кресту. Толстяк воздел руки кверху и закричал:

– Принесите мне нож! Мы начинаем! Кто первый хочет попробовать, а?

В этот момент меня оттолкнул в сторону Азиз. Он вбежал в помещение и заорал.

– Аллаааа!!!

Вслед за ним ворвались подростки, вооруженные ножами и прутьями. Они набросились на участников «вечеринки», превращая их дряблые и некрасивые тела в кровавое месиво.

В зале началась паника. Голые мужчины и женщины стали срывать свои маски и пытаться убежать, но подростки никого не выпускали из зала. Один за другим падали голые тела на пол, искромсанные ножами.

Я побежал к Нике. Толстяк сорвал с себя маску и я узнал председателя. Увидев меня он выхватил нож и занес его над телом девушки. Сам не помню как я нажал на спусковой крючок и сколько я выпустил пуль. Я стрелял до тех пор, пока не кончились патроны.

Очнулся я от толчков Азиза в плечо.

– Все нормально, брат. Машаллах, мы успели!

Я взглянул на бьющееся в конвульсиях жирное тело председателя. Пистолет выпал из моих рук с грохотом на пол.

– Тебе придется уехать отсюда, брат, – Азиз поднял пистолет с пола и убрал в карман – это только нам ничего не будет, мы же дети по закону, сам знаешь.

– А где Ника? – я огляделся по сторонам.

– Она с отцом Ибрагимом, брат.

– Я хотел бы увидеть ее.

Азиз кивнул и мы выбежали на улицу.

Отец Ибрагим сидел на траве, прижав к себе Нику, укутанную в покрывало. Он гладил ее по голове, что-то приговаривая и улыбаясь. Я подошел к ним и сел рядом.

Священник посмотрел на меня и сказал.

– Девочка очень напугана и не может сейчас говорить. Но вы не беспокойтесь – с ней все будет хорошо.

– Куда вы теперь? – спросил я, – скоро здесь будет полиция. Вас будут искать, как и меня.

– На все воля Господа. Азиз обещал переправить нас на юг к своим. А вы куда?

– Еще не знаю. Скорее всего на восток.

Ника повернулась в мою сторону и измученно улыбнулась. Я взял ее руку в свою.

– Я приеду за тобой.

Девушка кивнула и попыталась что-то сказать, но не смогла.

– Прощайте, отец Ибрагим. Прощай, Ника!

– Да благословит тебя Господь и сохранит тебя!

Винтокрыл, управляемый автопилотом, поднял меня в воздух. Сверху я видел, как подростки поливают бензином здание и угоняют винтокрылы убитых гостей.

Я полез в карман и вытащил скомканный конверт – результат своего ДНК-теста. Открыв иллюминатор, я выкинул конверт.

Что-то мешало мне сидеть в кресле. Я привстал и увидел книгу, похожую на те, что я притащил из суд. Я открыл ее на первой странице и прочел:

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

Аттилио

– Генерал, вы это всерьез про Кипр? И это после того как нас в прошлом году поймали в Ливии? – Брабанцио затянулся сигарой и пустил кольцо в потолок, – я вас не понимаю!

– Сенатор, – Аттилио поставил бокал на стол, – война есть война. Случаются и поражения. Но с нами или без нас Кипр снова сумеет сбросить десант Халифата в море.

Аттилио подошел к окну, выходящему на мост Риальто. Солнце уже почти село и на мосту зажелтела подсветка. Вдоль набережных неспешно скользили переполненные гондолы. Черные бронированные борта суденышек сливались с водой. Прожектора полицейских беспилотников изредка выхватывали из темноты силуэты туристов в бронежилетах. Господи, сколько же сегодня вас обретет вечный покой на дне каналов.

– И все же, генерал. В Ливии у нас вместе с американцами и англичанами было шесть дивизий! Шесть! Сотни боевых роботов, вертолетов, танков и лазерных пушек! И где они теперь все, а? Где я вас спрашиваю? Так я вам напомним! Ржавеют в песках под Бенгази! Ну, а что на Кипре? Там же в несколько раз меньше солдат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.